

Александра Лисина

Не выходите замуж на спор

Кому и суккуб — невеста!

A woman with long dark hair, wearing a white off-the-shoulder dress, sits at a table. Next to her is a man with long dark hair, wearing a purple and blue outfit, pointing his finger. The table is set with wine glasses, a bottle of wine, and a plate of food. In the background, there are several demons with horns and wings. A large chandelier hangs from the ceiling.

Annotation

Вышла замуж на спор? Твой муж — тиран, не знающий жалости? Ничего страшного: любого мужчину можно покорить и сломать... Так думала Хель, соглашаясь на условия одного дурацкого спора. Но кто же знал, что на Князя тьмы не действуют любовные чары?! Теперь у Хель нет иного выхода, кроме как попытаться влюбить в себя сильнейшего демона Преисподней без помощи магии. Скажете, безумие? Возможно. Но суккубы без боя не сдаются!

Александра Лисина

Не выходите замуж на спор

— Н-на тебе туз червей!

— Н-на тебе в ответ даму крести! И еще десяточку! И вальта! Что, съел?

— Да мне твою даму перекрыть — раз плюнуть! Так что... н-на тебе короля! Н-на! И еще раз н-на!

На отломанную сидущку от табуретки, брошенную прямо на пол, одна за другой посыпались замусоленные карты.

Я с досадой стукнула кулаком по колену. Лики Преисподней! Да что сегодня за день?! Зачет по ведьмовству не сдала, доставшему меня бесу рыло не начистила, а теперь еще проиграю какому-то укушавшемуся мухоморовки фею?!

В карты мы резались уже давно, азартно, яростно торгуясь за каждый ход. А что еще прикажете делать студентам накануне отбоя? У нас тут, как обычно, вся группа собралась и даже не помышляет расходиться, хотя времени до полуночи осталось немного. Еще бы! Последняя партия... Оборотень с ангелом благополучно выбыли, оракула мы по понятным причинам в игру не взяли, и против нас с баньши остался только мелкий фей с пьяно блестящими глазами. Каких-то полчаса назад мы были близки к триумфу. А сейчас у меня на руках остались только двойка, семерка и пара шестерок, тогда как у Шмуля наверняка еще полколоды заныкано... Ну не гадство, а?

— Хелька, имей в виду, — дрожащим голосом вдруг сообщила сидящая рядом баньши. — Ты меня в это втянула, так что, если он выиграет обещанное желание, я тебе этого не прощу-у...

Я пихнула мелкую плаксу локтем, чтобы не вздумала портить пол. А то потом или паркет опять вздуется, или канализация протечет, или кто из соседей к утру ненароком преставится — умеет, поганка, смерть насылать, когда захочет. Лучше бы гаденьша-фея так оплакивала, чем нашу уплывающую победу.

— Шмуль, давай! — подпрыгнул раскрасневшийся от волнения оракул, отчего доски под ним жалобно скрипнули и опасно прогнулись. Комнаты в общежитии маленькие, поэтому кровати двухъярусные, узкие. А этот раздобревший на университетских харчах предатель оккупировал верхнюю койку еще в начале игры, потому что, понимаете ли, оттуда лучше видно. — Щас ты их завалишь! Улька уже слилась!

Я мрачно зыркнула на толстяка.

— Слышь, Зыряныч, ты со мной за одной партой больше не сидишь! И на мои лечебные зелья не претендуешь. Понял?

— Хель, да ты чего? — отпрянул толстяк, осознав реальность угрозы. Даже плюшку изо рта выронил, обсыпав сахарной пудрой постель. — Побойся Создателя! Это же игра!

— А то, что нам сейчас поражение накаркал, нормально? — прошипела я.

Баньши, выбыв из игры под злорадный хохот фея, тут же завывала дурным голосом:

— А-а-а! Хе-э-эль! Спасай нас обе-э-их! Я больше не хочу наряжаться привидением и пугать прохожих! В прошлый раз еле ноги от стражи унесли-и-и! А в позапрошлый он нас еще и выкупать из тюрьмы отказывался-а-а!

Я окончательно рассвирепела:

— Видал, что наделал, предсказатель придурочный?!

— Я не каркал, — донесся сверху испуганный голос, и где-то там подозрительно

хрустнула доска. — У меня предвидение было.

— Значит, больше в будущее не смотри! — рявкнула я, решительно выкладывая на табуретку свои последние козыри. — А то Улька тебя сейчас оплачет!

Баньши от удивления даже прекратила рыдать и, убрав с лица длинную черную челку, в священном ужасе уставилась на жестокую меня. А потом, безжалостно паля нас обеих, вытаращилась на двух невесть откуда взявшихся в игре тузов. Но я и глазом не моргнула, мухлевать так мухлевать. В данной ситуации победа дороже чести.

Кстати, да, забыла представиться: Хельриана Арей Нор Валлара, для своих — просто Хель. Студентка третьего курса УННУНа — Университета нетрадиционных наук и уникальных нововведений. А еще — суккуб с крайне запутанными, в том числе ангельскими, корнями.

— Хелечка, ты тоже выбываешь! — На конопатом лице Шмуля внезапно расплылась мерзопакостная улыбочка, и поверх моих тузов легло два невесть откуда взявшихся джокера.

Я буквально окаменела. Да что там! Меня чуть удар не хватил от мысли, что этот мелкий поганец всю игру умудрялся водить нас за нос. Не могло быть у него сразу *двух* джокеров! Не могло! Но как, мама моя суккубская, и главное, где этот гадский фей, что ростом от горшка два вершка, прятал карты, если на нем даже рубашки не было? И если все это время его голые руки, да и ноги тоже, находились у меня перед глазами?

Баньши стремительно спала с лица.

— Хеля, мы пропали!

А недоделанный оракул тихонько пробормотал:

— Я же говорил...

Глядя на то, как разбойничья физиономия сиреневокрылого фея расплывается в гнусной ухмылке, моя рука начала сама собой подниматься. Народ, предвидя катастрофу, поспешно отпрянул в стороны, а сидевший дальше всех оборотень торопливо юркнул под стол.

— Правильно. Благослови его, Хель! — подал голос уныло сидящий на единственном стуле ангел. Не чистокровный, конечно. Примерно на четверть человек. Тощий, нескладный, занудный до отвращения, без присущих нормальным ангелам крыльев, зато с забавными кудряшками и одухотворенным взглядом огромных голубых глаз. — Нечисть должна быть наказана!

— Ты на что это намекаешь, пернатый? — мгновенно оскалился Шмуль, пряча под тощий зад небольшие копытца. А когда Марти обвинительно ткнул в него пальцем, гневно жужжащей мухой взвился под самый потолок.

— Ты смухлевал!

— Ничего подобного!

— Мухлевал! Я знаю!

— Докажи!

Ангел сник; поймать за руку ушедшего фея было практически невозможно. Сейчас нам с баньши не помогло бы и коронное мартиновское «покайся!», после которого даже у меня порой не выдерживали нервы. С фея все было как с гуся вода. Потому и морда всегда довольная.

— Ладно, — раздраженно бросила я, поднимаясь на ноги. — Проигрыш так проигрыш. Ульяна, не реви — твоё желание я возьму на себя.

— Что? — встрепенулась уже собравшаяся испортить нам пол баньши. Растрепанная, как обычно, тощая донельзя, бледная как поганка, с потекшей тушью и синими кругами под

глазами — хоть сейчас мертвологам на пособие отдавай.

Я повернулась к жужжащему под самым потолком фею.

— Что ты хочешь?

— Мм... Да я, собственно, еще не решил, — тут же изобразил задумчивость Шмуль. Но в глазах уже появился знакомый блеск. Наверняка врал, поганец. И желание заранее придумал, иначе не поднял бы ставки. — Хотя знаешь, наверное, Мартин прав. Благослови-ка меня!

Я с искренним недоумением воззрилась на самоубийцу.

— Шмуль, ты спятил? В тебе же темная кровь!

— Ну и что? — упрямо выпятил нижнюю губу фей и сердито затрепетал крыльшками.

Я покрутила пальцем у виска.

— Если я это сделаю, ты сдохнешь.

— Тебе-то что?

— Иди к демонам, мелкий, — фыркнула я, не понимая, чего он уперся. — Мне маменька запретила убивать разумных темных до совершеннолетия. Но, даже если я ее не послушаю, Старая Жаба с треском вышибет меня из УННУНа, и вот тогда меня точно больше нигде не возьмут.

— Я спишу тебе одно желание! Улькино! — торопливо выкрикнул Шмуль, когда я решительно двинулась к выходу. — И следующая партия тоже твоя. Нет, две! Ладно, три отдам... и еще желание сверху!

Я отмахнулась от блаженного дурачка.

— Ступай проспись. Потом свое желание скажешь.

— Но ты обещала!

— Да я лучше совру, чем потом буду отплясывать на твоих похоронах, — фыркнула я, и на лице взбешенного фея вдруг проступили черные вены. — Я пока, знаешь ли, не готова к такому празднику жизни. Да и платья для поминок у меня нет. Покупать его дорого, шить долго. Проще за Темного Князя выйти, там даже готовиться не надо. Пришла, предложила — и все, ты уже счастлива.

— Да тебе слабо! — вдруг вякнул из-под стола оборотень.

— Вася, не зли меня, — пригрозила я, и он послушно затих. — Я от своих слов никогда не отказываюсь.

— Тогда пусть оно так и будет! — каким-то жутковатым голосом вдруг возвестил Шмуль, превратившись в неопрятный черный сгусток с темно-фиолетовыми крыльями. Ни лица, ни глаз, только рот до ушей с сотней острых зубов, короткий хвост с кисточкой и виднеющиеся снизу козлиные копыта. — Ты сегодня же выйдешь замуж за Темного Князя! Сроку тебе — час. Откажешься — исполняешь желание. А выполнишь и сумеешь вернуться... так и быть, прощу.

Мы все оторопели. Не столько оттого, что в фее наконец проснулась чья-та поганенькая кровь, поймавшая меня на слове, а скорее от полнейшего абсурда происходящего. Мои благословения, даже слабенькие, для темных крайне бесполезны. Даже демонам становится некомфортно, если я разозлюсь. Так что придурковатый фей понятия не имел, о чем просит. А главное, не знал, на кого нарвался.

Наверное, это все мухоморовка виновата, раз я не послала его сразу и не забыла все как дурной сон. Но меня вдруг такая злость взяла, что я, взглянув на преобразившегося фея, упрямо вскинула голову и четко произнесла:

— Я, Хельриана Арей Нор Валлара, здесь и сейчас клянусь сегодня же выйти замуж за любого из Темных Князей. И пусть Тьма будет мне свидетелем!

Не ожидавший такой подянки Шмуль отшатнулся, стремительно возвращаясь в привычный облик, а меня под испуганный крик одноклассников мгновенно окутало плотное черное облако и с устрашающим ревом закинуло прямиком в Преисподнюю.

Глава 1

Говорят, когда Бог создавал миры, для каждого он использовал определенный сорт глины. Какие-то из них заселились потом людьми, где-то смогла развиться магия, где-то жили оборотни, в некоторых обосновались эльфы и крылатые феи. Все миры были разными, и в каждом из них существовали всевозможные, абсолютно на любой вкус, школы и академии.

Каждое из этих заведений скрупулезно отбирало учеников по строго определенным признакам. Одним нужны были умные и красивые, другим — одаренные и гениальные, третьим — мохнатые и клыкастые. Даже для кикимор и мавок существовал какой-то уголок, где они постигали премудрости болотной жизни.

Но иногда студенты попадались такие, что никто не мог понять, к какому виду их отнести. И ни одна из академий не брала на себя ответственность за таких бедолаг.

Куда, например, податься молодому ангелу, если его отец сошелся со смертной женщиной, а родившееся от их связи дитя не получило дара благословлять и летать? Что делать фею, у которого в предках мелькнула демонесса, и теперь природное умение создавать хаос, помноженное на мерзкий характер, стало грозить неприятностями Зачарованному лесу? Что делать оборотню, потерявшему врожденное свойство оборачиваться? Или оракулу, утратившему способность вовремя предвидеть?

Для таких бедолаг существовало лишь одно место, где от них никто не отказывался. Последнее пристанище для неудачников — УННУН. Единственный университет, откуда было практически невозможно вылететь.

В сущности, ничего уникального в нем не было, кроме, пожалуй, расположения — УННУН оказался не привязан ни к одному известному миру. И находился на куцем огрызке пространства, которое Бог, вероятно, слепил из разноцветных кусков глины, оставшихся после сотворения миров. Ущербный мир, состоящий из моря, скал, тщательно оберегаемого леса и одного-единственного города. Смесь причудливого ландшафта с исковерканными законами мироздания. Здесь не работало нормально ни одно известное заклинание и не слушалась по-настоящему ни одна стихия. Вывернутый наизнанку Мир, который так теперь и называли. Единственный пяточок суши, откуда можно попасть в любую из существующих вселенных.

Именно это обстоятельство вывело Мир за пределы системы. И именно поэтому в УННУН были сосланы все мы — люди и нелюди, ангелы и демоны, эльфы и гномы, оборотни и маги. Здесь собрались все оказавшиеся бесполезными или опасными в своих мирах создания. Ошибки природы. Плоды самых невероятных связей, каким-то чудом получившие жизнь. А три года назад к ним присоединилась и я — неопытная суккуба с крайне сомнительным происхождением.

Вообще-то в будние дни нам не дозволялось покидать универ без специального разрешения. Но на магические клятвы это ограничение не распространялось, поэтому-то меня и вышвырнуло с такой легкостью в Преисподнюю. Причем не абы как — клятва, подтвержденная Тьмой, требовала точности. Поэтому меня отправили в замок ближайшего Темного Князя и демонстративно вытряхнули прямо ему под нос. Если точнее, на огромный пиршественный стол, за которым собралась целая армия демонов.

Под веселый звон разбившихся бокалов и грохот опрокинувшейся посуды я

чувствительно приземлилась пятой точкой прямо на черную скатерть и ошеломленно воззрилась на оказавшегося передо мной демона.

Довольно мелкий, то есть как раз с меня, чернокожий, с гладким лицом, оранжевыми, как морковка, глазами и выступающими над кучерявыми волосами аккуратными рожками. Сравнительно молодой — мелькнувшие в разинутой пасти клыки еще не сточились — и неопытный, поскольку вместо того, чтобы сразу напасть или, напротив, отшатнуться, он изумленно замер, так и не донеся до рта вилку с наколотой на нее вишенкой.

Чуть дальше, за тянувшимся через весь немаленький зал столом, нашлись и другие местные обитатели всех мастей — черные и красные, рогатые и хвостатые, просто клыкастые и совсем уж страшные, похожие на людей и вообще не похожие ни на что. Видимо, вечеринка у них назрела. Или праздник какой отмечали, мрачно жуя недожаренное мясо и запивая его — я принялась к разлившейся неподалеку луже — весьма неплохим вином.

Суровая маменькина школа даром не прошла, так что после жесткого приземления почти не растерялась. Для начала грациозным движением спустила со стола длинные ноги, которые, благодаря провокационным разрезам юбки, обалдевший демон мог видеть во всей красе. Уверенно и властно обхватила ими торс застывшей жертвы, вынуждая ее нагнуться вперед. Соблазнительно изогнувшись, поправила волосы. А затем подалась вперед, чтобы незнакомец мог заглянуть в глубокий вырез моей рубахи, и аккуратно, одними губами, сняла с его вилки вишенку, выразительно при этом облизнувшись.

Надо признать, в своем обычном состоянии мы, суккубы, довольно невзрачны — ни ног от ушей, ни груди величиной с арбуз, ни чего-то такого фантастического. Обычные девчонки, которых везде пруд пруди. Однако природная магия делала нас желанными для намеченного в жертву мужчины, поэтому сейчас прибалдевший демон видел перед собой не встрепанную девицу в запыленной одежде — перед ним сидела богиня. Невероятно привлекательная самка, которая даже в дерюге выглядела бы сногшибательно. Правда, ради этого мне пришлось осветлить кожу, стать ниже ростом, чуточку тоньше в талии и гораздо полнее в груди, да и цвет волос сменить с русого на иссиня-черный.

Оказывается, эта особь предпочитала белокожих брюнеток.

— Доброй ночи, милый, — промурлыкала я, проведя по подбородку демона мгновенно отросшими и окрасившимися в кроваво-алый цвет ноготками. — Скажи, где твой Князь?

Рогатый, не отрывая от меня затуманенного взгляда, ткнул пальцем куда-то в сторону.

— Хороший мальчик, — прошептала я, наклонившись к самому его уху и заставив жертву шумно сглотнуть. После чего так же медленно отклонилась, подтянула колени к груди, умышленно толкнув тяжело задышавшего демона, и одним гибким движением поднялась на ноги. А затем выпростала из специальных разрезов платья мягкие, похожие на прозрачный шелк крылья (не спрашивайте, с кем согрешила моя прабабка ради улучшения породы) и, стряхнув на изумленно вскинувшихся демонов золотистую пыльцу, величественно взмыла под самый потолок.

— Апчхи! — звучно чихнула моя первая жертва, вдохнув любовную отраву.

— Пчхи! — через секунду поддержала ее вторая.

— А-апчхи! — моментально разнеслось вдоль стола.

— Апчхи! Чхи! Чхи-и-и!

— Апчхи! Да что ж такое... — Кто-то торопливо зажал нос, надеясь спастись, но моя пыльца — оружие массового поражения, воздействующее на жертв как любовный дурман.

Правда, для темных она почти безобидна, но я и не собиралась никого совращать. Пусть займут себя на часок, этого вполне достаточно.

Темный Князь нашелся во главе стола; без особого интереса он следил за тем, как я бессовестно травлю его подданных. Единственный светлокожий представитель темного племени, который выделялся среди обычных демонов, как выделяется могучий лев среди стаи гиен.

В Преисподней нелегко добраться до вершины, поэтому каждый Князь всходил на трон в буквальном смысле по трупам своих врагов и сторонников. За долгие столетия он многое пережил, научился видеть людей и нелюдей насквозь и по одному взгляду определял подбирающегося к нему убийцу. Он видел все, что только могла ему предложить насыщенная событиями жизнь. Все испытал, включая разнообразные излишества и нехорошие пристрастия, которые со временем тоже потеряли остроту. А теперь ему было скучно. Неимоверно, безумно, мучительно скучно. Настолько, что даже мое эффектное появление не смогло его расшевелить.

Но мне-то его на женитьбу уговорить нужно. Причем всего за час, пока не прочихаются остальные.

Основная трудность заключалась в том, что у Князя не имелось предпочтений относительно противоположного пола. Всех, кого было можно и нельзя, он за свою жизнь уже перепробовал и давно пресытился. А теперь ему стало без разницы, на кого смотреть и с кем, вероятно, спать. Настолько безразлично, что даже моя природная магия не смогла найти, что ему предложить, и, растерянно отступив, вернула мою внешность к исходному облику.

— Мое почтение, ваше темнейшество! — Я грациозной птицей опустилась прямо перед тронем, где со скучающим видом сидел худощавый, длинноволосый, одетый во все черное и крайне хмурый тип неопределенного возраста. — Прошу прощения за столь неожиданный визит, но у меня к вам серьезное деловое предложение.

Он даже не пошевелился.

— Какое?

— Вам случайно жена не нужна? — с очаровательной улыбкой осведомилась я, рассматривая его непроницаемое, но не лишенное своеобразной, какой-то хищной привлекательности лицо. — Жена что надо: неверная, непослушная, нелюбящая и совсем не красивая. Подарок судьбы, одним словом. Возьмете?

— На меня не действуют твои чары, суккуба, — равнодушно сообщил он, глядя куда-то мимо. — Меня не приворожишь.

— Так я и говорю — сугубо деловое предложение. Взаимовыгодный обмен на равноценных условиях.

Князь наконец повернул голову и смерил меня презрительным взглядом.

— И что я получу? Тебя? Думаешь, что сможешь поразить меня в постели?

— А кто говорит про постель? — искренне удивилась я, по-прежнему игнорируя его беспрестанно кашляющее и чихающее окружение. — Там я и без вас прекрасно обойдусь. Давайте меняться: вы мне — брачные браслеты, я вам — избавление от скуки. Вам же скучно, мой Князь? — вкрадчиво поинтересовалась я. — О-очень скучно. А я помогу вам вернуть остроту жизни.

В его глазах мелькнул и пропал ма-а-ахонький огонек.

— А если я тебя убью?

— Будете в своем праве, — без колебаний признала я. — Но тогда вам опять станет скучно. И снова придется ждать, пока кто-то развеет вашу тоску. Разве это разумно?

— У меня было десять жен, суккуба, — безразлично отозвался Князь. — Одна хотела власти, вторая — денег, три других — детей, а остальные — моей смерти. Что нужно от меня тебе?

— Ничего, — бодро отозвалась я, и вот тогда он чуть приподнял брови. — Ничего, кроме самого факта замужества. Даже еды и воды не потребую — я не капризная. Если пожелаете, вы меня больше не увидите, но при этом отсутствие скуки я готова гарантировать надолго.

Князь помолчал, а потом едва заметно нахмурился.

— Зачем тебе это?

Я пожала плечами.

— Обычный спор.

— Кхм... Что?

О, кажется, мне-таки удалось его зацепить.

— Ну да, просто дурацкий спор, который требует от меня выйти за вас замуж.

Он снова помолчал, а потом небрежно махнул изящной кистью, в которой тем не менее чувствовалась огромная сила, и скупно бросил:

— Не интересуется.

— Жаль, — не стала настаивать я. — Тогда можно я тут осмотрюсь? Кто знает, вдруг другую жертв... то есть жениха замечу?

И, не дожидаясь ответа, снова поднялась в воздух.

На этот раз, кроме громкого чиха, меня сопровождали и ругательства. Правда, с проклятиями никто баловаться не рискнул, но один из рогатых гостей, которого я на пробу задела крылом, все-таки не выдержал и запустил мне вслед огненный шар. Маленький такой, слабенький, только чтобы прибить зудящего над ухом комара.

И сразу как-то стало веселее. Невесомая пыльца, которая успела наводнить весь зал, моментально вспыхнула и привнесла в унылый серо-черный интерьер долгожданное разнообразие. От прокатившейся по залу взрывной волны бронзовые люстры одновременно качнулись, роняя с зажженных свеч расплавленный воск прямо на головы рыкнувших от неожиданности гостей. А осевшая на их одежде пыльца мгновенно воспламенила ее вплоть до нижнего белья.

В считанные секунды унылое застолье превратилось в шумный и радостный праздник. Кто-то из демонов взревел, ожесточенно сдирая с себя пылающий камзол, кто-то с грохотом выскочил из-за стола, неловко зацепившись за горящую скатерть. С протяжным звоном запрыгали по каменному полу опрокинутые блюда и уставленные деликатесами подносы. Разбились бокалы. Свалились торты. Выплеснулось на чьи-то колени вино...

Кто-то из числа самых вспыльчивых гостей снова попытался швырнуть в меня сгустком огня, нерационально запалив его посильнее, но ожидаемо промахнулся и зацепил раздраженно озирающегося, наполовину оголившегося соседа. Тому это не понравилось (сторачающие на груди волосы — это, наверное, больно), поэтому незадачливый метатель был тут же превращен в плоский блин и бесформенной грудой осел у противоположной стены. Само собой, пока он туда летел, умудрился по дороге сбить еще кого-то, отбросив на одно из кресел. Там тоже кто-то пострадал и, соответственно, пожелал выразить свое возмущение...

Безусловно, иметь в родне фей — выгодно и полезно. В другое время демоны сохранили бы надменное молчание. Не осмелились бы потревожить покой своего повелителя, однако в

присутствии истинного носителя Хаоса градус агрессивности среди присутствующих резко подскочил вверх.

Чтобы оживить начавшееся веселье, я совершила еще пару кругов под потолком, выхватывая взглядом сиротливо разбросанные столовые приборы и тихонько бормоча:

— Благословляю вас, дети мои, на войну...

Попавшие под действие моего коварства вилки тут же превратились в рогатых металлических тараканов, которые с ходу взяли разбег и впились кто куда достал. У ложек раздвоились ручки, превратились в колючие усики и острыми пиками воткнулись в оказавшихся рядом врагов. Ножи с гудением поднялись в воздух, начав охоту на без того заведенных демонов. Ну а я, с умилением следя за их подвигами, летала над всем этим безобразием и раз за разом шептала:

— Благословляю... благословляю... благословляю...

Оружие светлых в темных руках — страшная сила. Снизу снова раздался яростный рев. Кого-то ловко подсекли, кто-то обзавелся неожиданным паразитом, кто-то, споткнувшись, полетел напрямик в костер. И все это — на фоне бушующего в зале торнадо и красивого зарева беспощадно сторающих картин.

— Какие-то они у вас нервные, ваше темнейшество, — заметила я, приземляясь на спинку черного трона и с любопытством следя за стремительно набирающим силу хаосом. — Вы бы их воспитывали, что ли? А то вон чего творится — сейчас боевые ипостаси из-под контроля выпустят.

Я как сглазила — сразу двое обозлившихся демонов, утратив над собой контроль, обернулись прямо у нас на глазах и немедленно вцепились друг другу в плотки. Чуть дальше еще двое с остервенением били кого-то ногами. А один внезапно заметил меня и, не раздумывая, метнул еще один огненный шар. О том, что он прилетит точнехонько в сидящего рядом со мной повелителя, демон конечно же не подумал. А вот Князю происходящее не понравилось. Заметив несущееся ему в лицо ревущее пламя, он сузил глаза и, погасив его одним щелчком пальцев, неожиданно рывкнул:

— Довольно!

Причем рывкнул так, что меня едва не сбросило с трона.

Прокатившаяся по залу волна силы оказалась настолько мощной, что на демонов это подействовало как ушат холодной волны. Хотя, скорее, целый ледяной водопад. Или смерч. А может, и все сразу. Остервенело сражающихся гостей с легкостью раскидало в разные стороны, затем снова собрало воедино, небрежно скомкало, не считаясь со сломанными конечностями и выбитыми клыками, и смяло в один большой шар. После чего с раздражением выкинуло вон, с грохотом захлопнув напоследок двери.

«Силен, — с уважением подумала я, когда в зале стало тихо, а его темнейшество поднялся и медленно повернулся ко мне. — Так легко избавиться кого-то от воздействия моей пылицы — это надо уметь».

— Ты мне надоела, — глухо уронил Князь, посмотрев на меня, как дракон на вошь.

Ух, мать моя герцогиня! Каким же он будет, если по-настоящему разозлится?

— Вы так могучи, мой Князь! — с придыханием прошептала я, когда он подошел и без церемоний взял меня за глотку. — Вы так великолепны и чудовищны... так многоуважаемы и безнадежно желанны... что я прям шас помру от благоговения перед вашим умением быстро очищать пространство от дураков.

От моего резко изменившегося к концу тирады тона в глазах повелителя, до этого

поблескивающих, как поверхность бездонного озера, заклубилась первородная Тьма. Завораживающе медленно она выплыла из его глазниц, окутав его страшноватым ореолом власти. Затем так же медленно стекла по его рукам и холодным языком лизнула мне кожу. Задумчиво покачалась у меня перед лицом, словно змея перед опустевшим гнездом, а потом так же медленно уползла обратно.

Повертев меня так и этак, будто забавную зверушку, повелитель негромко спросил:

— Что ты хотела, суккуба, раз это потребовало избавиться от свидетелей?

Я опустила глаза.

Умен, зараза. Но мне теперь нельзя ошибиться, иначе, если меня не убьет он, буквально через несколько часов это сделает магическая клятва. С Тьмой не шутят, когда клянутся ее именем. И ей не лгут, потому что наказание будет страшным.

— Вы правы, мой Князь, я не все вам сказала, — смиренно просипела я, чувствуя, как сильные пальцы задумчиво перебирают хрящи на моей глотке. — И не все аргументы привела, чтобы получить ваше согласие на брак.

— Что ты скрывает?

— Вот *это*, мой Князь, — вздохнула я и поспешно зажмурилась, чтобы не ослепнуть.

Чистейший белоснежный свет хлынул из меня в прокопченный зал, заливая его не виданной здесь благодатью. Грудь обожгло. Из глаз едва не брызнули слезы, в живот будто лавы плеснули... Увы, быть носителем Света и Тьмы — тяжелое бремя, и оно не предназначено для слабого человеческого тела. Но я не позволила себе даже всхлипа, когда призывала светлую ипостась. И не пролила ни слезинки, когда моя темная половина скорчилась от боли, заживо сгорая в очищающем огне.

Увы. Маменька сделала большую глупость, когда решила добавить в свою коллекцию трофеев чистокровного ангела. А расплачиваться за ее грехи приходилось мне. Но даже боль от перехода от одной сущности к другой не могла умалить моего восторга от созерцания преобразившихся крыльев — прекрасных, сияющих, словно сотканных из лунного серебра, то самое папочкино наследство, о котором мечтал неспособный к полетам Марти.

Ударившие от меня лучи не пощадили и Князя — темные, особенно высшие, плохо переносят Свет. Однако он ничего не сказал, когда жестокий огонь опалил ему руки. И не поморщился, когда пламя так же быстро изуродовало его красивое лицо.

Повелитель отпустил меня почти сразу, как только понял, что происходит, и благоразумно отступил на пару шагов. Несколько минут, пока шла регенерация, оценивая меня рассматривал и внимательно изучал. Как только кожа на его лице восстановилась, снова бесстрашно протянул руку, внимательно глядя, как сгорает на ней плоть до самых костей. Опустил ее. Проследил, как в тени плоть нарастает вновь. И только тогда коротко бросил:

— Я согласен.

Полный безумного облегчения вздох не вырвался из моей груди только потому, что я боялась дышать, чтобы не разорвать сгустившуюся тишину собственным криком. Но малу-помалу безумный огонь угас, болезненно яркий свет перестал струиться сквозь мои руки. А льющаяся с крыльев благодать исчезла, позволив недовольно шепчущейся тьме вернуться в давно облюбованные углы.

В тот же миг мои запястья обожгло неимоверным холодом, и на них, нещадно сдавив кожу, с металлическим лязгом защелкнулись тяжелые, матово-черные, связанные толстой цепью браслеты, которые то и дело вспыхивали алыми всполохами рунических знаков и

были подозрительно похожи на кандалы. Одновременно такие же, только без цепи, «украшения» защелкнулись на запястьях Князя, и почти сразу где-то грянул гром, подтверждающий заключение сделки. А потом мой новоявленный муж усмехнулся и, развернувшись к выходу, властно бросил:

— Идем!

Пока я стояла, шатаясь под тяжестью оков, и пыталась отделаться от ощущения непоправимой ошибки, какая-то неумолимая сила подхватила меня и буквально потащила вперед. За ним. Сопротивляться ей было невозможно. Попытка остановиться мгновенно пресеклась раскалившимися докрасна браслетами и недвусмысленно намекнула, что за повторное промедление меня накажут еще большей болью.

Я вонзила злой взгляд в спину удаляющегося мужчины, но вынужденно сделала сперва один шаг, затем другой... А когда поняла, что противиться себе дороже, покорно отправилась туда, куда он меня повел.

Запутанные коридоры подземного дворца оказались похожи на каменный лабиринт, поэтому я даже не пыталась запомнить дорогу. Огромная металлическая дверь, перед которой мы остановились, была щедро расписана сценами кровавых боев и выглядела несокрушимой. Открывшаяся за ней комната, убранная в кроваво-красных тонах, и с одной-единственной, но очень широкой кроватью, заставила меня нервно поежиться. А появившаяся на губах Князя первая, но откровенно жуткая, улыбка — инстинктивно вжаться в ближайшую стену.

— Теперь твое место здесь, — указал Князь, наслаждаясь моим неожиданным испугом.

Я похолодела, страстно надеясь, что до исполнения супружеского долга прямо сейчас дело не дойдет. И все-таки вздрогнула, когда в его изучающем взгляде промелькнуло сдержанное, но какое-то мрачное любопытство. После чего ощутила требовательный толчок в спину, послушно зашла внутрь, украдкой озираясь в поисках пил и ножей для расчленения тела. Убедившись, что ничего подобного нет, и поняв, что при желании меня просто сожрут целиком, нерешительно оглянулась. Но вместо Князя увидела только быстро закрывающуюся дверь. А когда она с похоронным звоном захлопнулась, я утерла выступившую на лбу испарину и пробормотала:

— Уф... До чего же опасный был блеф...

Как только стало ясно, что новоявленный муж не вернется, я тут же скинула с себя маску унылой обреченности и, торопливо бухнувшись на колени, обеими руками ухватилась за цепь. Металл оказался магически усиленным и при малейшей попытке его снять превращал жизнь носителя браслета в сущий ад. Он не позволял сбежать. Полностью исключал возможность использования пространственной магии. Не поддавался разрушающим чарам и был предназначен для того, чтобы удерживать жертву в плену у демона вечно.

Но я не собиралась быть жертвой. И оставаться здесь дольше необходимого не планировала. Поэтому прикоснулась к браслетам и, постаравшись до краев наполниться неземной благодатью, с чувством произнесла:

— Благословляю меня отпустить!

Благословение — это не магия. Его очень трудно измерить и почти невозможно объяснить. Благословить кого-то означает подарить часть себя, безвозмездно отдать кусочек благодати, которая иногда посещает любую душу. При этом стремление поделиться ею должно быть достаточно сильно, чтобы она смогла воплотиться во что-то реальное, в какое-

то действие — страстно ожидаемое, самое нужное именно в этот момент изменение или просто в хорошее настроение, если тебе его отчаянно не хватает.

Для темных рас это умение практически недостижимо — мы слишком жадны, самолюбивы и горды, чтобы распахивать перед кем-то душу. Мы плохо умеем отдавать. Да и принимаем далеко не все. Потому-то для нас искреннее благословение так опасно.

Но бывают и исключения, когда слабенький Свет, прячущийся где-то глубоко во Тьме, спасает от распада душу какой-нибудь полукровки. Забирает на себя обжигающую благодать и позволяет грешнице и дальше ютиться во Тьме. По этой причине благословлять — так, потихоньку, я все-таки могу и даже не боюсь при этом. Да и на многое другое способна, если, конечно, сумею правильно настроиться.

Под действием благословения демонические браслеты зашипели, словно разъяренные гадюки, а мне пришлось прикусить губу и стиснуть зубы, чтобы не заорать. Проклятые кандалы вместо того, чтобы просто разомкнуться, неохотно плавилась, с отвратительным звуком пузырясь на стыках и истончаясь с одной стороны — как раз там, где я прикасалась. Раскалившийся металл обжигал так, что на моей коже вспухали огромные волдыри. Но зато проклятые браслеты все-таки сползли. Нарочито медленно, плавно, словно издеваясь. И оставляя заодно на моей коже глубокие, мерзко воняющие ожоги.

Наконец кандалы с лязгом рухнули на багряно-красный ковер, смотрясь на нем, как сплетенные в брачном танце змеи. А я вытерла невольные выступившие слезы и снова призвала в себя Свет, надеясь, что не откину копыта, когда сделаю то, что задумала. Мстительно прищурилась и, уложив брачные оковы на постель так, чтобы они с цепью приняли форму сердца, оскалилась.

— Теперь тебе скучать точно не придется, муженек!

После чего решительно возложила на собственную голову источающие Свет ладони и торжественно возвестила:

— Благословляю себя вернуться в УННУН!

Глава 2

Тянуть себя из глубины Преисподней оказалось тяжело; думала, что помру, пока поднимусь. Но Света, примерно вдвое усиленного благословением, как раз хватило, чтобы я в окружении сияющей белой сферы дотащила до знакомой комнаты и, возникнув посреди обгорелой проплешины ковра, обессиленно грохнулась на пол.

— Х-хелька... — потрясенно прошептала баньши, когда я с кряхтением поднялась. — Наша Хелька вернулась!

Сохранить лицо в такой момент было делом чести, поэтому, поднявшись, я брезгливо отряхнула дымящуюся юбку, пригладила вставшие дыбом волосы и надменным взором обвела комнату.

— А что? Кто-то сомневался?

Затем отыскала сидящего на подоконнике фея, на побелевшей физиономии которого можно было рисовать всякие скабрёзности, и процедила:

— Уговор выполнен. Князь женился.

Но Шмуль не был бы Шмулем, если бы даже в такой ситуации, насмерть перепугавшись и уже решив, что меня пора хоронить, не поджал трясущиеся губы и не выдавил упрямо:

— Докажи!

Я молча показала предплечья, где красовались симметричные, точно повторяющие очертания браслетов ожоги с вдавленными в остатки кожи демоническими письменами. После чего обвела высокомерным взглядом притихших одноклассников, в глазах которых читался суеверный ужас, удовлетворенно кивнула и в полной тишине вышла, надеясь, что они не видели моих дрожащих коленок.

Только оказавшись в нашей с Улькой комнате, я с размаху плюхнулась на стул и устало обмякла.

Ладно. Клятва дана — клятва исполнена, я теперь замужем и Тьма мне не страшна. Ну а то, что муж у меня Темный Князь... Подумаешь! Кому-то и ангелы достаются.

Разумеется, муженек придет в бешенство, когда обнаружит, что я сбежала. Но если о свадебном обряде станет известно кому-то еще...

Я зябко передернула плечами, представив, как взбеленится маменька, если только узнает. Но в УННУНе мне опасаться нечего: высшим сущностям, что темным, что светлым, нет хода в этот мир. Да и Князь не захочет потерять лицо, признавшись кому-то, что его всего за полчаса окрутила какая-то суккуба. Я тоже промолчу, потому что мне жить охота. А друзья постараются об этом не вспоминать. На крайний случай, если кто-то все же прознает, то Князей в Преисподней много, кого именно я обхитрила — выяснить невозможно. Браслеты мои остались внизу, муженек свои обязательно спрячет, так что никто и никогда не узнает, что мы женаты.

Ну а то, что он еще долго будет кидаться на стены — пустяки. Может, ему под руку демон какой попадется, и мир станет чуточку лучше. Я ему не раба, без браслетов призвать меня он не сможет, постель мы с ним тоже делить не клялись. Я ведь лишь пообещала развеять его скуку и ни в чем не солгала: безудержное веселье — в смысле непреходящее бешенство вкупе с бесплодными попытками меня найти займут его мысли о-очень надолго.

Я усмехнулась и подошла к зеркалу, чтобы взглянуть, чем пришлось заплатить за этот триумф. Но цена оказалась приемлемой — я почти не изменилась, если не считать немного

подтянувшейся фигуры, чуточку подправленных черт лица да слегка потемневших глаз и волос.

Это еще одна особенность нашей расы: пока суккуба не надела брачные браслеты, она абсолютно свободна в выборе облика. Однако замужество ограничивает нас желаниями мужа. Мечтал он с отрочества жить с шикарной блондинкой — в суккубе закрепится именно этот образ; хотел заполучить в постель демонессу с крылышками — пожалуйста, только скажи. Наш дар, к сожалению, имеет и обратную сторону, потому-то суккубы и хороши в роли жен. Но какой женщине понравится, если ее внешность будет зависеть от мужчины?

Мне, к счастью, повезло — муженек оказался непривередливым, и его безразличие дважды сыграло мне на руку: я не только выжила, но и осталась прежней. И до тех пор, пока мы не разделим постель, а на мои руки не вернутся брачные браслеты, я смогу меняться, как захочу.

— Хелька-а-а... — вдруг тихонько провыл кто-то под окном, заставив меня с усмешкой отойти от зеркала. — Хель, ты еще не спишь?

Выглянув в окно, я с удивлением обнаружила там нашего медведеобразного оборотня — наполовину обернувшийся, обросший по самое не могу Василек зачем-то топтался на драгоценном газоне директрисы и с надеждой смотрел в мое окно.

— Хе-э-эль? Ты там живая?

— Чего надо? — Толкнув створки, я по пояс высунулась наружу. — До весны еще далеко, так что зелье против гона тебе не нужно. Или мухоморовки не хватило? За новой порцией пришел? Тогда это не ко мне — у Шмуля спрашивай. Мою заначку вы еще на прошлой неделе распотрошили.

Васек, по обыкновению вышедший на ночную прогулку в одних только трусах, мотнул головой и беспокойно почесался.

— Да я вообще-то... прощения попросить пришел.

— Чего-о?

— Ну да, — виновато повторил он. — Если б не я, ты бы этого фея придурковатого не послушала.

— Да живи уж, провокатор. Я больше не злюсь, — беззлобно откликнулась я, и он, снова яростно почесываясь, послушно отступил. — Чего скребешься? Опять блохи замучили?

— Они, проклятушие, — страдальчески протянул Васек, ожесточенно скребя медвежьими когтями бурый бок. — Как вылезет шерсть, так и заедают. К лету вообще никакого спасения нет. Откуда только берутся, сволочи?! Хель, слушай... а может, ты какое зелье от них сваришь?

Лохматая морда, на которой еще просматривались человеческие черты, умоляюще посмотрела снизу вверх.

— Сделай, а? Пожа-а-алуйста! Или у целителей выпроси, ты же можешь. А я тебе за это травок хороших принесу.

Я задумалась. Оборотень у нас, конечно, нестандартный — добрый, ласковый, как теленок, за то его и вышибли из стаи. Да и ходит до сих пор на двух ногах, даже когда обрастет по самые брови. Но с нюхом у него все в порядке, поэтому травы чует на раз. А некоторые из них можно удачно толкнуть на городском рынке, так что предложение определенно было выгодным.

— Качественного средства от блох у меня нет, — признала я, задумчиво присев на подоконник. А затем распахнула крылья и слетела вниз, благо тут всего-то третий этаж. —

Рецепта не знаю, спросить пока не у кого — целители все на практику уехали, — так что тебе помочь не могу. Разве что попробую благословить?

Василек вздрогнул и попятился.

— А что? — рассудила я, мысленно прикидывая, за сколько продам городской ведьме редкие травы. — Тьмы в тебе нет, следовательно, и риска никакого.

— Да ты сама не знаешь, что у тебя в итоге выйдет, — откровенно занервничал медведь. — У тебя Свет нестабильный!

— У меня и с Тьмой не все в порядке, — успокоила его я. — Зато Свет не причиняет прямого вреда, так что, если благословение не получится, тебе ничего не грозит. Ты же не темный, как Шмуль или Улька.

Медведь, неловко переступая обросшими ногами, в смысле наполовину лапами, попятился еще дальше.

— Да? А когда ты мне лапу лечила, шерсть потом еще с полгода не росла.

— Это я просто перестаралась с наведением красоты.

— А когда цветы под окном растить пыталась — помнишь, что вышло?

Я кинула задумчивый взгляд на густо зеленеющий невдалеке лес.

— Подумаешь, степени перепутала... Но, если не хочешь благословляться, могу и проклясть.

— Да иди ты! — шарахнулся прочь оборотень, зачем-то испуганно прикрывая передними лапами зад. — Твои опыты только Марти спокойно переносит, и то потому, что ему уже ничто не навредит!

Я пожала плечами.

— Ну и ладно. Не больно-то надо было. Живи и дальше с блохами, и пусть они тебя сожрут окончательно.

Медведь вдруг переменялся в морде лица и подозрительно замер.

— Хелечка, надеюсь, ты это не всерьез? Ты ведь не умеешь проклинать, правда?

Я хищно улыбнулась.

— А кто его знает? У меня дар — как маяк: то вспыхнет, то погаснет. Так что, если не хочешь сюрпризов...

— Тьма с тобой, чудовище, — страдальчески скривился Василек. — Давай благословляй... только осторожно!

Я довольно потерла руки и простерла их над съезжившимся медведем. Нет, ну а что? На ком прикажете тренироваться? Светлые от меня уже шарахаются, не без оснований воспринимая мои благословения за проклятия, а темных трогать мне категорически запретили. Причем запрет на убийство был выставлен суровой маменькой, а не Старой Жабой, поэтому нарушить его я не могла. Но надо же как-то выкручиваться?

С торжественным видом возложив ладони на лоб припавшего к земле оборотня, я сосредоточилась. Василек, напротив, зажмурился и на всякий случай закрыл лапами глаза. При этом бока его судорожно дергались — то ли от страха, то ли блохи все же замучили беднягу до основания, а потом он и вовсе затрясся, как в лихорадке.

— Благословляю! — громким шепотом (ночь же на дворе!) произнесла я, ни фигаськи не зная, что в итоге получится.

Василек замер, лихорадочно пытаюсь понять, чего лишился на этот раз. А через пару секунд неожиданно дернулся, высоко подпрыгнул... и так громко взвыл, что с крыши одной из башен с истеричными воплями взлетела стая ворон, а в комнатах студентов начал

загораться свет.

— Хелька-а-а! Что ты натворила, ненормальная?!

— Что такое? — забеспокоилась я. — Вась, тебе больно?

— Ты зачем меня *всего* благословила? Вместе с блохами?! — заорал полумедведь, юлой завертевшись на месте и пытаясь отчаянным рывком сбросить с себя что-то невидимое. — Они же озверели совсем! Щас сожрут к такой-то матери!

— Хм, — задумалась я, когда он заметался перед нашим корпусом как бешеный. — Это ты меня с мысли сбил, пока трясса. Но результат все равно интересный. Как считаешь, твоих блох теперь можно считать блаженными?

— Хелька!

— Да думаю я, думаю, — с досадой отозвалась я, на всякий случай отступив в сторонку, пока свалившийся на землю и яростно по ней катающийся медведь меня не зашиб. То-то была бы радость лешему, который сегодня остался без мухоморовки. — Но пока что-то в голову ничего не приходит. Вась, а давай я попробую благословить их еще раз, только теперь на смерть? Вдруг они издохнут? Тебя не заденет... я надеюсь, но, если заденет, мы мертвологов позовем! Я их быстренько соблазню, и они поднимут тебя заново. Смерть, как они утверждают, это еще не конец.

— Убью! — внятно прорычал вставший на четвереньки оборотень, посмотрев на меня налитыми кровью глазами.

— А может, не надо? — с надеждой спросила я, когда он яростно царапнул землю заметно отросшими когтями и напряжился, как перед прыжком. — Вася... Васенька... Василечек ты мой мохнатый! Знаешь, мне что-то не нравится зверское выражение на твоей морде...

— Хр-р-р! — свирепо выдохнул медведь. Ой, кажется, оборотень у нас теперь полноценный! И злой, как ему положено, хотя это совсем не вовремя. — Ахр-р-р!

— Драпать пора, — сообразила я и как можно быстрее поднялась. Вернее, свечой взлетела вверх, успев поджать под себя ноги. Невменяемый оборотень прямо с места подпрыгнул, но с обиженным ревом грохнулся обратно на землю, не дотянувшись до меня всего на ладонь. — Васенька, ты не буйствуй, люди все-таки спят... Ах, уже не спят? Ну тем более. Зачем им смотреть, как под окнами носится здоровенный бурый медведь в красных труселях? Неужто тебе не стыдно?

Однако «Васенька» не смутился. Только следил за мной злыми глазами и остервенело чесался, явно не собираясь приходить в себя.

Задумчиво потеряв пятую точку, я подлетела поближе, зависнув над головой угрожающе заворчавшего медведя, а потом вздохнула и простерла над ним сразу обе руки.

— Что ж, попробуем иначе... Блохи! Силой, данной мне Светом, благословляю вас кусать только тех, кого я считаю врагом!

Вид моих поднятых ладоней явно напомнил оборотню о чем-то нехорошем, потому что он тут же закрыл пасть и, странно хрюкнув, попытался сбежать. Я, естественно, ринулась следом. Но возложить на него руки во второй раз никак не получалось, потому что дурной медведь вдруг начал вилять, словно я собиралась его подстрелить. А я очень хотела до него дотронуться. И совсем забыла, что творить благословение, находясь в темной ипостаси, более трех раз подряд чревато неприятностями. Поэтому, нагнав стремительно улепетывающего оборотня, внезапно обнаружила, что мои крылья дымятся, и, испуганно охнув: «Папочка святой!» — ...рухнула прямо на загривок взревевшему от неожиданности

Ваське. При этом мои ладони намертво вцепились в его уши, ноги я каким-то чудом успела перебросить по обе стороны его шеи, усевшись верхом, как на коня. Мимолетно порадовалась, что впервые в жизни смогу прокатиться на озверевшем приятеле, а Василек... у него, кажется, случился такой стресс, что от ужаса он перекинулся обратно в человека и прямо на бегу рухнул так, что я самым неэстетичным образом улетела в кусты.

— Хе-э-эль... — донесся до меня через пару минут страдальческий стон. — Хе-э-эля-а-а...

Торопливо ощупав руки-ноги, я выпуталась из зарослей шиповника и на карачках выползла из кустов.

— Чего?

— Ты сво-о-олочь... — просипел Василек, снова принявший вид крупного, волосатого, как тот медведь, но по-своему неплохого парня. Правда, всклокоченные волосы и грязные разводы на теле придавали ему диковатый вид, а порванные на заднице труселя были несколько... неуместны, но я только выдохнула:

— Живой!

И облегченно рухнула в траву.

Приводить Ваську в чувство нам пришлось вчетвером и до самого утра. Мы — это растрепанная и перемазанная в земле я, нутром почуявший беду ангел, примчавшаяся на наши крики Улька и уже успевший к тому времени заснуть оракул, которого мы безжалостно разбудили, когда заволакивали беспмятного оборотня в их общую комнату. Разобиженный Шмуль высунуть нос из соседней не пожелал, но звать его мы не стали — наверняка мелкий перестарался с мухоморовкой и теперь дрых без задних ног.

Потом я долго гладила лежащую на моих коленях голову оборотня, у которого после первого нормального обращения наступил жестокий откат. Улька, давно и безнадежно увлекшаяся целительством, одно за другим испытывала на нем свои зелья. Марти с печальным видом сидел на подоконнике, с ходу заявив, что тут он не помощник. А Зырян торопливо доедал оставшиеся после ужина пирожки.

Боль мы Васильку в конце концов сняли — хвала Тьме, среди Улькиных запасов нашлось-таки нужное зелье, — но страшнейший зуд унять так и не смогли. В результате несчастный медведь сперва кидался на стены. Потом, когда его попытались образумить, уже на нас. В конце концов его пришлось туго связать и засунуть под одеяло, время от времени рискуя подойти и вытереть выступивший на его лице пот. Потом он тихо страдал, пугая своими подвываниями соседей. Скрипел зубами и громко охал, когда в него пытались влить очередную целебную гадость. Улька без пользы извела на него почти все свои запасы, уже даже не радуясь, что нашелся достойный повод испытать их в действии. А потом мы только молча сидели и беспомощно переглядывались, не зная, чем помочь.

В результате все пятеро одинаково не выспались и на занятия по ядоварению потащились только потому, что на «ядах» всегда можно было и поесть, и выпить, и даже иногда подремать, если не было лаборатории. Впрочем, сегодня мы пришли не за этим.

— Простите, вам *что* от меня нужно, молодые люди? — удивленно округлила глаза сухонькая благообразная старушка, к которой мы явились на поклон. Чистокровная человечка. Приветливая. Милая. Ей бы платочек сверху, сарафанчик беленький — и хоть сейчас в деревню, пирожки печь. Может, правда, пирожками она и так иногда балуется, но я, например, поостереглась бы их пробовать: такого непревзойденного специалиста по ядам

УННУН не видел уже давно. — Я преподаю ядоварение, а не целительство! Вы обратились не на ту кафедру!

— Но мадам Травиль! — взмолилась Улька, делая большие-пребольшие и очень трагические глаза, которые мгновенно наполнились слезами. — У нас первый урок именно у вас, а Василек сегодня ночью первый раз обернулся, и теперь ему очень плохо!

Старушка скептически оглядела нашу излучающую вселенскую скорбь и мировое уныние компанию.

— Милая, если ядовары начнут лечить, тогда весь мир погрузится в траур.

В ответ наша непризнанная актриса заломила руки и взвыла так, как только она одна умеет:

— Но вы ведь наверняка знаете какое-нибудь средство-о-о! Прошу вас, помощи-и-ите! Он же погибнет, а я не хочу его оплакива-а-ать!..

Васька, демонстративно повиснув на плече Зыряна, угасающим голосом прошептал:

— Спасибо, Уль, я знал, что ты не бросишь в беде...

Его бледно-зеленая физиономия, которую мы с утра старательно натерли белилами и одновременно травяным настоем от прыщей, изобразила улыбку умирающего — печальную и всепрощающую. После чего оборотень закатил глаза и начал медленно сползать на пол.

— Только не на моем уроке! — всплеснула руками преподавательница. — У меня и так самый высокий травматизм на занятиях, а если студенты начнут умирать не только потому, что, вопреки предупреждениям, упорно пытаются пробовать свои зелья на вкус, я тогда вообще не буду знать, как жить! Марш отсюда! К целителям давайте! Живо!

Она замахала руками, и мы, сохраняя скорбные выражения на лицах, послушно направились к выходу. При этом Зырян тащил, подхватив под мышки, тяжело дышащего оборотня, идущий впереди Марти нес его обутые в грязные сапоги ноги, Улька, как самая маленькая и слабая, схватилась за безжизненную руку, а я с мрачным видом придерживала безжизненно болтающуюся Васькину голову.

Торжественный вынос тела состоялся в гробовом молчании, потому что из однокурсников, которых на «ядах» всегда собиралось немало, нас никто не окликнул. А если и прощуршали где-то под потолком Шмулькины крылья, на это внимания никто не обратил.

— Ну! Достал? — громогласным шепотом спросил Зырян, когда мы вышли в коридор и завернули за угол, где нас уже поджидал запыхавшийся фей.

Шмуль, подлетев, молча протянул мне небольшую мензурку с темно-вишневой жидкостью, смутно похожей на кровь, и тут же отвел глаза. Насчет вчерашнего мы так и не поговорили, но, надо отдать должное, узнав поутру о Ваське, он всполошился больше всех. Видимо, расстроился, что продрых самое интересное. А едва выяснив, в чем дело, тут же развил бурную деятельность и, разработав подробный план действий, вызвался осуществить самую опасную его часть.

— Бери! «Кровь рубина». Ничего лучше у нее в тайнике не было.

— Спасибо, — спокойно кивнула я, и он поспешил отлететь в сторону. — Вась, восстань и пей. Это самое подходящее для тебя зелье.

Издыхающий оборотень тут же поднял голову, с подозрением огляделся, но убедился, что коридор действительно пуст, и проворно вскочил на ноги.

— А что оно делает?

— Избавляет живых от любых негативных последствий магии: проклятий, благословений, воздействия других зелий, включая смертельные яды...

— Универсальный антидот, — ввернула умное словечко Улька и гордо вытерла рукавом ненастоящие слезы, опять размазав тушь по лицу.

— Да, — согласилась я с жутковато разукрашенной баньши. — Уля дело говорит. Если тебе что поможет, так это он.

Василек просиял и, выхватив драгоценную мензурку, залпом ее осушил. После чего прислушался к себе, заметно повеселел и, чмокнув от избытка чувств грязную Улькину щеку, громким шепотом воскликнул:

— Ура! Я снова живой!

Спустя полчаса мы, запершись в комнате Васьки и Зыряна, жадно поглощали утащенный из столовой завтрак. Мартин, поклевав каких-то зернышек, отвалился первым и, успев занять верхнюю кровать, блаженно прикорнул. Я на этот раз уселась на подоконник, чтобы видеть, кто входит и выходит из общаги. Разомлевшая Улька приютилась на стуле, вяло потягивая морковный сок. А заметно посвежевший оборотень, бурно жестикулируя, в лицах описывал свои ночные приключения. В первую очередь фею, который почему-то забился в дальний угол на нижней койке, откуда его почти не было видно. Ну и Зыряну заодно, который только сейчас смущенно признался, что после моего ухода успел заснуть и, оказывается, видел сон, гдея с распущенными волосами и безумным лицом катаюсь на большом буром медведе, а тот подпрыгивает, как необъезженный жеребец, и светится изнутри, будто магический фонарь.

Проследив за тем, как в общагу возвращаются с ночной практики усталые мертвологи, я не стала комментировать неудачу оракула. Мы уже давно знали, что его видения чаще всего показывают не грядущие события, а то, что происходит в данный момент. Правда, происходить это могло где угодно, хоть в другом мире, но, увы, строгие временные рамки делали такие предсказания бесполезными. Так что я не удивилась, когда оракул в точности описал ночное происшествие и смущенно умолк, выразительно посматривая на последний бутерброд.

— А с другой стороны, это и неплохо, — спустя еще пару минут сказал он, опасно качнувшись на стареньком табурете и ткнув пальцем в замолкшего оборотня. — Ты получил наконец полноценную ипостась и больше не будешь изгоем. Хелька тоже осталась в выигрыше, потому что смогла на тебя воздействовать на расстоянии и, вполне вероятно, перешла на новую ступень освоения Света. Если мне не изменяет память, раньше ты могла давать благословения только первого уровня?

— Вообще-то второго, — рассеянно отозвалась я, жестом показывая, что планов на бутерброд не имею. — Но очень редко. Это требует много сил.

— Вот! — Зыряныч, жадно впившись зубами в еду, невнятно замычал. — А вождейштвие на рашштоянии ожначает увовень не ниже тфетьево! Внафит, ты шмогла увеичить швои вожможношти, а это отшень хорошо.

— Конечно, хорошо, — поморщился Васька. — Особенно за мой счет!

— Не ной, — фыркнула я. — Я тебя от блох избавила, нелюдь. И вообще, мог бы спасибо сказать, что тебе помогли стать нормальным. А то сколько бы ты еще бегал полужверем?

Мартин, свесив одну руку через ограждение кровати, сонно пробормотал:

— Года три бы еще точно промучился.

— Тебе-то откуда знать? — недовольно насупился Вася, задирая голову.

— А я лекции по оборотничеству не пропускал, в отличие от некоторых.

— Да чего я про себя там не слышал?

Ангел молча перевернулся на другой бок, потому что, как большинство пернатых, не любил спорить. А мы как-то сразу затихли. Бывало, проскакивало в нашем Мартине что-то такое... объединяющее. Хоть и бескрылый, он каким-то образом умел влиять на других. И когда чего-то очень сильно хотел, оно, как правило, сбывалось. Как, например, сейчас.

— Хель... — через минуту негромко спросила Ульяна. — Хеля, а что там хоть было-то... внизу?

Я зевнула и прислонилась головой к стеклу — спать хотелось невероятно.

— Да ничего особенного, все как у нас. Стены, люстры, двери...

— А демоны?

— А что, демоны разве не люди? Подумаешь, рогатые мужики с хвостами.

— Ну а Князь? Он вообще какой?

Я машинально потерла саднящие, но уже переставшие болеть запястья — заживало на мне всегда быстро.

— Нормальный он... для Князя. Только властный очень. Я таких не люблю.

— Он, наверное, страшный, да? — обмирая от непонятного ужаса, прошептала баньши, и я невольно задумалась, вспомнив равнодушное лицо оставшегося в подzemелье мужа. Прямые черные волосы, светлая кожа, абсолютно черные глаза, в которых отражается бездна прожитых лет, острый нос, почти бесцветные губы...

— Пока в глаза не помотришь, ничего, — наконец решила я. — И силища у него такая, что под нее лучше не попадать.

— Зовут-то его хоть как? — снова спросила Улька, жадно подавшись вперед. Ну да, у нее есть такой пунктик — любит все выяснять до мелочей.

Я пожала плечами.

— Высшие демоны никому не открывают своих имен. Но мне и не нужно. Я ведь не собираюсь туда возвращаться.

— Он тебя найдет, — впервые вмешавшись в разговор, тихо сказал Шмуль. — Рано или поздно, но отыщет. Таких оскорблений не прощают. Хеля, ты к нему теперь привязана, да?

Я украдкой приподняла рукав, чтобы убедиться, что письма на месте, и мотнула головой.

— Ожоги заживут, а без браслетов у него нет надо мной власти.

— Он все равно тебя убьет, если поймает.

Я только отмахнулась.

— Моя половина клятвы выполнена, а больше я ему ничего не должна. Как и он мне не должен. Идеальная вышла бы из нас пара, да?

Но мое веселье никто не разделил. Народ сидел мрачный, думу думал — черную и страшную. О том, как меня, раскрасавицу, в один прекрасный день уволочет в подzemелье злобный паук, чтобы мучить там и терзать вечно...

— Ребят, да вы что? — удивилась я, когда они выразительно промолчали. — Что за траур? Меня такими, как он, с детства запугивали. А маменька как-то даже пригрозила, что отдаст меня Князю на воспитание, если не перестану пользоваться Светом где не надо. Так что я уже давно знаю, куда не стоит соваться, а если все-таки туда сунусь, то не без запасного плана действий. Все в порядке, народ! Я жива, и это не изменится. По крайней мере, не по его вине.

У Васьки забавно округлились глаза.

— Так ты что, знала? У тебя открылся дар предвидения, Хель?!

— Да какое там... Просто у маменьки обычно слова с делом не расходятся, — призналась я, невольно передернувшись от воспоминаний о детстве. — И раз она сказала, что отдаст, значит, я должна была узнать, кому и зачем. В свое время мне пришлось много читать по этой теме, и кое-что я успела выяснить до того, как попала сюда, в том числе и о Князьях. Не забывайте, я все-таки демонесса, хоть и слабенькая. Поэтому у меня всегда припрятана пара тузов в рукаве.

— Что? Каких еще тузов? — мгновенно встрепенулся фей.

Я хмыкнула.

— Таких же, как твои джокеры. Жаль, что тебя оказалось недостаточно раздеть до трусов, чтобы ты перестал жульничать. Но в следующий раз я это учту. Будешь теперь за карты садиться нагишом.

Шмуль неожиданно покраснел и торопливо взмыл под самый потолок, а мы тихо посмеялись, представив, куда он будет запихивать карты, если лишится даже трусов. Дружно посмеялись, как всегда, но недолго, опасаясь разбудить нашего ангела.

А через какое-то время Зырян снова стал серьезным.

— Ребят, знаете, что меня во всем этом настораживает?

Мы вопросительно уставились на подпершего кулаком подбородок оракула.

— То, что Хелька вернулась из Преисподней, — хорошо. А то, что Князю в лапы не попала, вовсе замечательно. Без нее здесь стало бы грустно. Шмуль, безусловно, дурак, что вообще завел этот разговор, но ему простительно: мухоморовка и впрямь оказалась убойной. Но мне не дает покоя другой вопрос... Хель, ты благословение свое на Василька кинула, и он перестал чесаться, да?

Я кивнула, не понимая, к чему он ведет.

— Да вроде. Он же мне не враг, вот блохи и ушли.

— Хорошо. А кто-нибудь может мне сказать, куда именно они ушли? И не заявятся ли они однажды в гости к кому-то, кого ты назовешь своим врагом?

Мы тревожно переглянулись. Но потом я припомнила, что блохи-то теперь не просто сбежавшие, но еще и благословенные. Подумала о Старой Жабе... и поняла, что не хочу знать, куда они подевались.

К середине второго урока меня все-таки сморило — бессонная ночь и призыв светлой половины вытянули из меня все силы. Так что, явившись на лекцию по традиционным немагическим воздействиям, я забралась на дальнюю парту и благополучно задремала под размеренно вещающий голос преподавательницы.

И снилось мне, что я, стибаясь под невидимой тяжестью, стою посреди той самой багряной комнаты. Задрапированные алыми тканями стены, черный потолок, черный пол и кроваво-красный ковер...

Бред, конечно, не спору. Потому что брачные браслеты как упали тогда, так ко мне и не вернулись. Однако рукам все равно было неприятно. Свежие ожоги саднило, словно их все еще касался расплавленный металл. И было жутковато видеть, как разгораются на чудом уцелевшей коже багровые письмена.

От ощущения реальности сна меня даже передернуло.

В комнате было холодно, несмотря на разожженный в камине огонь, но при этом достаточно светло, чтобы я могла увидеть каждую мелочь. Но, что больше всего поразило, я оказалась здесь не одна — повернувшись ко мне спиной, Князь молча стоял у неразобранной постели и задумчиво вертел в руках оставленные мною браслеты.

Признаться, я в первый раз видела вторую ипостась у высшего темного, поэтому меня терзало любопытство. Маменька не любила демонстрировать себя детям, да я и сама не рвалась к откровениям — в своем истинном облике демоны свирепы, неуправляемы и, как правило, не контролируют себя. А я в то время частенько ее раздражала, потому и не показывалась лишний раз на глаза.

Но сейчас передо мной стоял Князь Тьмы, повелитель истинных демонов. Жуткий. И, кажется, рассвирепевший настолько, что отказаться от этого ужасающе-красивого зрелища оказалось выше моих суккубских сил.

А посмотреть было на что. Князь оказался весьма привлекательным существом, несмотря даже на выпроставшиеся на свободу белесоватые, словно у старого дракона, кожистые крылья и мелькнувший у ног длинный, раздвоенный на конце хвост.

Муженек стал гораздо крупнее, чем в человеческом облике, однако пропорции тела у него сохранились почти прежними. Дышащая силой фигура внушала безотчетный страх. При этом мускулистый торс сиял какой-то неестественной и откровенно нездоровой белизной. Неровная, почти целиком покрытая чешуйками кожа словно выцвела от времени и обжигающе холодных прикосновений Тьмы. Казалось, передо мной стоит древняя статуя, выполненная с невероятным искусством. Неподвижная, запечатленная в неоконченном, навечно остановленном движении. Лишь черные волосы струились по его спине живыми змеями, крупными кольцами спускаясь до самых икр. Их кончики постоянно шевелились, словно пробуя на вкус окружающий воздух, временами расползались в стороны, будто имели собственный разум, а затем снова собирались на спине, скрывая от моего нескромного взгляда молочную белизну подтянутых ягодиц.

Моя темная сущность обмерла от восхищения, жадно пожирая глазами понравившееся ей тело. А светлая, напротив, забилась в конвульсиях, не в силах перенести его нечеловеческой красоты.

Раздираемая противоречиями, я стояла как парализованная, наслаждаясь открывшимся видом и одновременно ужасаясь стоящему напротив мужчине. А потом неосторожно шевельнулась... и поняла, что сделала это зря.

Преобразившийся Князь, сменивший ипостась отнюдь не из желания покрасоваться, выронил на пол доселе сжатые в когтях брачные браслеты. Мгновенно развернулся, каким-то невероятно грациозным движением пригнувшись. Напружинился и приготовился к бою. Но при виде меня его лицо неувовимо изменилось. Хищно раздувшиеся ноздри дрогнули. В вертикальных зрачках мелькнуло мрачное торжество. Совсем уж истончившиеся губы чуть раздвинулись, обнажая кончики острых зубов. А затем клубящаяся вокруг него Тьма победно взвыла.

Я вздрогнула, когда он одним гигантским прыжком преодолел разделявшее нас расстояние. Испуганно распахнула глаза, поняв, что несколько перестаралась с местью. Шарахнулась прочь, когда он утробно зарычал, впиваясь в меня бешеным взглядом, и снова обмерла, когда когтистая, но все еще не утратившая изящной формы лапа одним движением полоснула снизу вверх, намереваясь вспороть меня от паха до груди...

Грох!..

Меня аж подбросило с лавки, когда по парте кто-то мстительно шарахнул деревянной указкой. Не успев вырваться из оков недавнего кошмара, я суматошно вскочила на ноги, непонимающе озираясь и пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Нижнюю губу саднило, а во рту стало солоно, будто я прокусила ее насквозь. Тем не менее ударивший по глазам свет был реальным, живым, настоящим, хотя еще мгновение назад я едва не поверила, что умерла.

— Хельриана Арей Нор Валлара, — отдельно произнесла стоящая возле меня невысокая, очень худая женщина, похожая на скелет пустынной кобры. И шипеть умеющая не хуже, кстати. — Что вы можете рас-с-сказать мне о проклятиях?

Нервно оглянувшись и перехватив удивленные взгляды одноклассников, я сглотнула. Вот же нарвалась. Не надо было спать. Не надо было надеяться, что эта змея не увидит!

С некоторым трудом собрав мысли в кучку, я пробормотала:

— Эм... видите ли, мадам Чушуа... отвечая на ваш крайне неожиданный вопрос, должна сказать, что... кхм... проклятия бывают... разными.

Необычайно крупные, желтые, с вертикальными зрачками глаза преподавательницы сузились, а между зубов мелькнул раздвоенный язык.

— Мне кажется, это не очень с-содержательный ответ на мой вопрос-с, — прошипела она, наглядно доказав, что среди ее ближайших родственников имелся хотя бы один наг. — Что еще вам извест-стно по теме наш-шего с-сегодняшнего занятия?

Я покопалась в памяти и с сожалением вспомнила, что вчера у меня так и не дошли руки до учебника. Как это ни прискорбно, но я мало стремлюсь к новым знаниям, и УННУН действительно самое подходящее для меня место. Хотя бы по той причине, что из дюжины других заведений меня банально вышибли за неуспеваемость, а из этого, как ни крути, уже никуда не деться.

Стоя посреди благоговейного молчания, которое всегда охватывало учеников на уроках Кобры, я порылась в памяти потщательнее и наконец выудила оттуда кое-какие сведения.

— Проклятия, как и благословения, подразделяются на несколько уровней или ступеней. Но и в том, и в другом случае деление довольно условно.

Под неподвижным, ничего не выражающим взглядом преподавательницы я невольно

поежилась и с трудом разродилась продолжением:

— Проклятия с первого по четвертый уровень включительно относятся к малым, с пятого по седьмой — к средним, с седьмого по девятый — к высоким, с десятого — к высшим. Но, насколько я знаю, их избегают даже чистокровные демоны.

— Почему? — бесстрастно осведомилась мадам Чушуа.

— Потому что у них слишком сильный откат, — своевременно всплыла в памяти очередная подсказка. — Если не рассчитать силы, оно высушит душу до дна, и тогда даже Темному Князю будет трудно сохранить свою личность от распада.

— К чему приведет проклятие, наложенное на темную сущность?

— Оно ослабит ее обратно пропорционально исходному уровню самой сущности, — несколько приободрилась я. Надо же, что-то еще помню. Не зря меня маменькины змеюки по теории гоняли.

— А если сущность будет светлой?

— Ну... — ненадолго задумалась я, испытывая сильное желание поскрести затылок, чтобы простимулировать умственную деятельность. Обычно помогало, кстати, но тут я почему-то не решилась. — Смотря что за сущность и что за проклятие. Если проклятие слабое, а жертвой окажется полукровка, то, скорее всего, ничего страшного не случится. Если при этом проклятие не будет иметь конкретной цели, то это может оказаться, скажем, неудачный билет на экзамене, на ровном месте сломанная нога... Даже среднее ненаправленное проклятие не станет для него смертельным. А вот с направленными все гораздо хуже — они более точные и имеют бóльшую силу. Как правило. Но с чистокровными такой номер все равно не пройдет.

Вопросительно взглянув на Кобру и не увидев на ее невыразительном лице ни одобрения, ни порицания, я на всякий случай пояснила:

— Проклясть чистую светлую сущность довольно сложно — Свет выжигает любое негативное воздействие. Поэтому, чем выше уровень жертвы и чем больше в ней Света, тем сильнее должно быть воздействие. Архангелов, к примеру, сможет проклясть только сильный Князь. Или... гм... — Я на мгновение запнулась. — Или Темная Герцогиня. Но это будет стоить ей сильной головной боли и заметно ослабленных способностей. Годика эдак на два. Если проклинать серафима, то с этим справится и обычный демон, если, конечно, он рискнет нарваться на такой же силы благословение. Ну а с мелочью вроде обычных ангелов и полукровок даже бесу легко совладать. Правда, без сильного покровителя этого лучше не делать — светлые сильны взаимовыручкой, поэтому жертву не только быстро исцелят, но и обидчику рога сломают. Так что любое проклятие надо накладывать с умом и, главное, так, чтобы никто не понял, что оно твое. Мадам, я ответила на ваш вопрос?

Преподавательница, ничего не сказав, отвернулась и бесшумно направилась к доске.

— Ну ты даешь! — с восхищением прошептал Василек, когда я устало опустилась на свое место. — Откуда информация? В учебнике не так написано.

— Меня неплохо учили в свое время, — отмахнулась я, покосившись на пересевшего к Ульке Зыряна. Молодец, запомнил, что я слова на ветер не бросаю. — Вернее, пытались учить, и кое-что из этого даже осталось. Но вообще-то в учебниках много чего нет. Вот если бы нам дали возможность взглянуть на «Полное собрание существующих проклятий»...

— Хочешь, я достану? — неожиданно предложил сидящий сбоку Шмуль, заставив меня изумленно повернуться. — У нас в библиотеке есть один экземпляр. Древний как мир. И такой же ветхий. В закрытой секции его видел, за одной хитрой дверкой, причем не так

давно.

— Когда ты успел? — зашипела недалеко от него баньши. — Хватит лазать по чужим полкам в одиночку! Ты же нас спалишь!

Я тоже нахмурилась. И правда, пока Старая Жабa не могла доказать, что пропадающие время от времени из кабинетов зелья, неизвестно куда испаряющиеся книги и некоторые другие инциденты связаны с нами. Хотя ей, безусловно, известно, что рано или поздно пропавшие вещи всплывают у какого-нибудь коллекционера в Городе. Но если Шмуль не прекратит лазать во всякие интересные места без спроса, однажды мы крупно вляпаемся. Потому что он, в отличие от ангела, не чует беды и, в отличие от Зыряна, не способен предугадать появление ловушек.

— Шмуль! — зашептала разъярившаяся баньши, для которой мы время от времени доставали редкие книги по лекарскому делу. — Если ты еще раз без Зыряна или Васьки куда-нибудь сунешься...

— Разговорчики! — зычно рявкнула мадам Чушуа от доски, и мы тут же заткнулись, послушно уставившись в свои конспекты. А когда она взялась за мел и начала излагать новую главу учебника, со вздохом приготовились записывать.

После обеда меня снова неумолимо потянуло в сон, но досматривать утренний кошмар до ужаса не хотелось. Поэтому, коротая долгий перерыв в столовой, я забралась в самый темный уголок, где, отчаянно зевая, прилагала все усилия, чтобы не заснуть.

Кто бы мог подумать, что небольшое приключение настолько сильно отразится на моем спокойствии? Всего-то делов, что замуж выскочила. Да, *так* я этого не планировала. Да и информация по Князьям у меня оказалась неполной. Но все же обошлось? Я жива, все в порядке... Тогда почему у меня холодок бежит по спине от мысли, что мне опять придется пережить этот сон?

— Хелька, не спи, — толкнул меня в бок Василек, когда я склонила голову ему на плечо и на секундочку все же прикрыла глаза. — У Ульки еще сегодня зачет по обитателям кладбища.

— Да пусть отдохнет, — неожиданно вмешался Мартин, участливо погладив меня по голове. — У нее была трудная ночь. И вечер тоже. И утро... А на мертвологию нам к полуночи, поэтому время еще есть.

— Мы все устали, — отозвалась добросердечная баньши, ради которой вся группа согласилась сегодня отказаться от законного сна. Из всех нас мертвология была доступна только ей, но мы уже давно привыкли не разделяться. Да и она, растяпа, меньше ошибок с перепугу наделает, если будет знать, что мы прикроем. — Я бы тоже передохнула до вечера.

Оборотень посмотрел на нее и фальшиво вздохнул:

— И правда, чего это я... Давай я передам господину Эсси, что ты не придешь на левитацию?

Улька посмотрела на него, как на врага, и даже отсела за соседний столик, чтобы выразить всю глубину своего возмущения. Василек с готовностью оскалился, демонстрируя, как быстро у него испортился характер, а сидящий на краю обеденного стола и болтающий в воздухе копытцами Шмуль негромко сказал:

— Хель, так как насчет книги? Если нужно, я добуду.

Его разбойничья физиономия на этот раз была непривычно серьезна, а сиреневые крылья беспокойно подрагивали, словно фей очень хотел, но не мог взлететь.

«Совесть, что ли, замучила?» — подумала я, уже прикидывая про себя, как это можно использовать.

— Без меня ты не пойдешь, — как всегда неожиданно встрепенулся ангел и пристально посмотрел на фею. — Один не справишься. Гарантирую.

Мы тоже внимательно посмотрели на Мартина и одинаково посмурили. У нашего ангела был еще один полезный дар: он очень точно предчувствовал беду. И если наш золотоволосый мальчик сказал, что в одиночку Шмуль попадетсЯ, значит, так оно и будет.

— Марти, ты уверен? — беспокойно заерзал оборотень, хмуро зыркнув на пробежавших мимо двух смешливых нимф. Те хихикнули при виде него, испуганно зажали ладошками рты при виде меня и тут же умчались, что-то тревожно щебеча на своем птичьем языке.

Нашу группу в УННУН хорошо знали. И старались обходить стороной. Вернее, обходили в основном меня и иногда Шмуля, когда тот был не в настроении. Но сегодня оборотень закрыл меня широкой спиной, сама я умышленно не высывалась, поэтому мимо нашего столика народ перемещался гораздо свободнее, чем обычно, и менее расторопно.

— Что делать будем, Хель? — выжидательно посмотрел на меня оракул, когда поблизости не осталось ни одной живой души. — Если ты говоришь, что книга хорошая, надо брать. Она наверняка денег стоит.

Я задумалась.

Вообще-то сборник было бы неплохо прибрать для себя — толковая вещь. И крайне редкая. У маменьки когда-то был один экземпляр, но неполный. А потом его и вовсе спалили, по неосторожности обработав каким-то очищающим заклинанием. Хм... Ну, как спалили... Я же и сожгла по малолетству, когда без спросу вскрыла ее тайник. Зато еще тогда, в детстве, потирая ноющую задницу, я твердо усвоила, что проклятия всегда в цене. И вообще, у них и благословений сходная основа, так что если я смогу понять одно, то, может, и мой дар наконец начнет срабатывать как положено?

— Хель? — нетерпеливо подпрыгнул на столе фей. — Так что ты скажешь? Брать книгу-то или нет?

— Без меня ты никуда не пойдешь, — так же уверенно заявил Мартин, в кои-то веки решив настаивать. Молодец. Поначалу его на каждое дело надо было волоком тащить, привитые с детства догмы «не убий», «не укради» испортили его безвозвратно. Но за три года плотного соседства с нами он начал потихоньку оттаивать. И сообразил, что ради друзей можно иногда поступиться принципами, прекратив призывать нас покаяться после каждого мелкого грешка.

— Пока рисковать не будем, — приняла решение я, когда вопросительные взгляды обратились в мою сторону. — Одного Шмуля отпускать нельзя. Мартин ему в случае чего не помощник. Да и Улька, пока не сдаст все зачеты, в качестве прикрытия бесполезна. Но, Зырян, на всякий случай обрати внимание на свои сны и запоминай, будь добр, что увидишь. Закрытые секции — плохо изученные помещения, там даже чутье Васьки способно дать сбой, да и ловушек может быть понатыкано столько, что спалимся, не успев зайти. С этим нельзя торопиться. Надо думать, смотреть и планировать...

На левитации, как всегда, было скучно. Новая дисциплина началась всего две недели назад, так что пока нас только пичкали зубодробительными формулами и напрочь не подпускали к практике.

Меня, как и Шмуля, левитация вообще не интересовала — летать мы могли и без нее. Мартину с Васькой она тоже была без надобности, к магии и ее аналогам наши ангел с

оборотнем приспособлены не были. Улька и вовсе побаивалась высоты, а тяжеловесному оракулу, проходящему в некоторые двери только боком, летать было просто не суждено.

Тем не менее какая-то добрая душа включила эти занятия в расписание для нашей группы, и вот мы уже две недели отчаянно скучали, тщетно пытаюсь понять, как управлять воздушными потоками, не имея крыльев, и, главное, как сдавать зачет, если в УННУНе и его окрестностях магия не работала. Господин Эсси, правда, утверждал обратное. И уверял нас, что левитация — совершенно особый вид магии, который, хоть и с оговорками, действовал даже здесь. Но мне было скучно на его занятиях, а сегодня я к тому же зверски хотела спать, поэтому даже не пыталась во что-то вникнуть.

— Хель, хватит дрыхнуть, — толкнул меня под локоть Василек, когда я под монотонный голос стоящего у доски гоблина снова начала клевать носом. — А то на реферат нарвешься.

Это да, гоблины — создания злопамятные.

Я торопливо протерла глаза и сделала вид, что не лежу на столе, а просто внимательно вчитываюсь в конспекты. Ну их, эти рефераты... вместе с зачетами и сессиями. Экзамены для меня — как эшафот для бессмертного. Убить не убьет, но по шее бьет больно. Третий год я с ними мучаюсь и всякий раз сдаю лишь с десятой попытки. А иногда получаю отметку в личном деле только после того, как испытаю на преподавателе врожденные способности суккуба.

Жаль, что на гоблинов они практически не действуют. И еще больше жаль, что директриса раздала остальным мужчинам-преподавателям защитные амулеты. Конечно, порой хватало даже простенькой симпатии, чтобы слегка подтянуть оценку до тройки. Но даже тут мне чаще всего не везло: большинство учителей в универе, как назло, были женского пола.

— Хель, да не спи же ты! — снова шикнул оборотень, когда увидел, что я опять сижу с безразличным взглядом и пялюсь в никуда. — У нас три часа еще будет на отсыпание. Потерпи, а?

Я виновато кивнула. Но через пару минут снова прикрыла чугунные веки, которые все тяжелее становилось не смыкать, и все-таки задремала.

Спать хотелось настолько сильно, что вскоре я даже про мстительного гоблина забыла, способного «обрадовать» меня сразу несколькими зубодробительными темами для рефератов. А ближе к концу занятия была готова лечь прямо на парту и, обняв учебник, сладко засопеть. От этого желания не спасали ни щипки, ни тычки, ни ботинок Васьки, чувствительно придавивший мне ногу. А просыпалась я лишь оттого, что всякий раз, закрывая глаза, снова и снова видела знакомую до боли комнату. И содрогалась от мысли, что этой ночью могла остаться там навсегда.

Коварный сон набегал и уходил волнами. Я то возвращалась в кошмар, то снова приходила в себя, едва успевая убедиться, что в спальне ничего не изменилось. Правда, больше чем на пару секунд я в ней не задерживалась, но все равно — это происходило так часто, что вскоре я перестала различать, где сон, а где реальность.

Единственное, что меня успокаивало, — там больше не было Князя, и никто не порывался снова меня убить. Потому что, если бы мне довелось всякий раз смотреть, как он безжалостно вскрывает мое нутро, словно раковину у ракушки, я бы, наверное, вовсе отказалась засыпать. Или набралась до предела мухоморовкой, чтобы вообще ничего не бояться.

Наконец урок закончился, и парни почти на руках оттащили меня в комнату, сгрузив

бесчувственной колодой на постель. Улька, которую я попросила поискать что-нибудь для здорового и крепкого сна, тут же отправилась рыться в своих запасах. А когда я не сумела проснуться даже после холодного душа, с сочувственным видом протянула какой-то флакон.

— Два часа здорового сна он тебе обеспечит, — бледно улыбнулась она, словно подозревала, зачем мне лекарство. — Без всяких сновидений. А потом у него откат почти десять часов, во время которых ты при всем желании не уснешь.

— Давай, — со вздохом согласилась я, откупоривая флакон, и залпом выпила его безвкусное содержимое. — Двух часов мне будет достаточно, но если что — пихни меня в бок, ладно?

Она печально кивнула, с тревогой глядя на мое изможденное лицо, но промолчала. А я торопливо переоделась и, юркнув под одеяло, с облегчением закрыла глаза.

В который раз за сегодняшний день оказавшись в злополучной комнате, я обреченно вздохнула.

Опять то же самое... За что мне это, а? Расплата за глупость? За спешку? А может быть, за обман? Но я же выполнила все, что обещала! Я никому и ни в чем не солгала. Тьма свидетель — я была честна даже с Князем. Так почему же меня упорно вышвыривает в один и тот же сон, не давая спокойно отдохнуть?

От гуляющего по комнате холодка я поежилась, прямо-таки нутром чувствуя, что здесь не стоит оставаться долго, а потом ощутила за спиной какое-то движение и инстинктивно отпрыгнула в сторону.

— Не так быстро, дорогая, — раздался вдруг позади знакомый голос, и мои руки в мгновение ока взметнулись вверх.

Внезапно ожившие письма на запястьях полыхнули так, что я едва не зажмурилась. Одновременно с этим какая-то неведомая сила подняла меня в воздух, с легкостью отбросила к стене и чувствительно приложила спиной, едва не порвав бессильно обвисшие крылья. А еще через миг наверху мерзко лязгнули стальные затворы, и я повисла, как пришипленная к дереву бабочка.

«Это сон! — промелькнула в моей голове ошеломленная мысль, когда из темноты медленно проступил мужской силуэт. — Всего лишь проклятый сон, который просто мне снится!»

— С возвращением, женушка, — раздвинул губы в недоброй улыбке медленно приближающийся Князь. — Я давно-о тебя жду...

Сейчас он был в человеческом облике. Босой, в просторных штанах, надетых, похоже, на голое тело, и небрежно распахнутой на груди черной рубашке, соблазнительно подчеркивающей белизну его алебастровой кожи.

— Раньше я считал, что браслеты снять невозможно, — ровно сообщил он, остановившись в двух шагах и пройдясь изучающим взглядом по моему распятому телу. — И был несколько... расстроен твоим внезапным уходом. Но, на твое счастье, вовремя вспомнил, что брачные оковы несут гораздо более глубокий, чем принято считать, смысл: браслеты предназначены для тела, тогда как цепь — для души, и разрушить эту связь может только смерть. Поэтому ты сейчас здесь. Живая. И больше никуда от меня не денешься.

Я быстро посмотрела наверх. Ожоги на моих запястьях снова превратились в два металлических, словно раскалившихся от магии демона, браслета. Между ними и цепь объявилась — массивная, рассыпающая вокруг себя багровые искры и надежно закрепленная на торчащем из стены штыре. Такие же оковы сияли и на руках Темного Князя, только матово-черные, под стать его мрачной одежде. Только, в отличие от моих, их не соединяла никакая цепь.

— Тебе долго удавалось сопротивляться призыву, — хищно прищурился он. — Настолько долго, что такое упорство заслуживает внимания. Мне пришлось потратить ночь, чтобы тебя найти. Отложить все дела, разогнать свиту, отказать в приеме нескольким важным гостям. И за это ты будешь наказана, женушка. Я заставлю тебя пожалеть о побеге.

Под его изучающим взглядом мне стало неудобно. А когда он подошел вплотную и властным рывком притянул меня к себе, и вовсе тревожно. Сон есть сон, но боль, если что,

наверняка будет настоящей.

— Разве я вас в чем-то обманула, мой Князь? — склонив голову набок, осведомилась я, стараясь выглядеть спокойной. — Разве не выполнила того, что обещала?

Он недобро улыбнулся.

— Твоя игра была опасной и смелой. Я оценил. Но видишь ли, дорогая... — Его рука с внезапно отросшими когтями медленно прошлась по моей щеке. — Я этого не люблю. Поэтому теперь мы с тобой будем играть по моим правилам. Так долго, как понравится мне.

«Два часа! — молнией пронеслось у меня в голове, когда острый коготь коснулся ямки над моим ключицами, зацепился за ворот ночнушки и подчеркнуто медленно распорол ее от горла до паха. — У него всего два часа, а потом я проснусь!»

Он поднял руку снова, таким же издевательски медленным движением отрезав от моей единственной одежды еще один длинный лоскут, и я сглотнула, подумав о том, что два часа — не так уж и мало. И что за это время может произойти много такого, о чем я успею пожалеть. Даже во сне.

«Лики Преисподней! И зачем я только переоделась? — молча взвыла я, когда уже третий лоскут, свившись в колечко, упал на пол, а Князь, безнаказанно раздвинув оставшуюся на мне ткань, с нехорошей улыбкой посмотрел на то, что она скрывала. — Платье было бы не жалко. А ночнушка у меня единственная. Шелковая! За бешеные деньги купленная в салоне мадам Мими! Улька, ты же обещала, что больше никаких снов! Улька, зараза, разбуди меня *срочно*, иначе я не знаю, что сейчас сделаю! Если он окончательно ее исполосует...»

Остатки ночнушки с меня все же сорвали и небрежно отшвырнули в угол.

«Ты за это заплатишься, муженек!» — прошипела я про себя, проводив глазами безнадежно испорченную вещь.

Собственная нагота меня не смущала — я все-таки суккуба, а не ангелесса. Меня с самого детства учили обольщать и покорять. Мое тело — это оружие, а одежда — всего лишь ножны, скрывающие до поры до времени убийственную остроту спрятанного внутри клинка. Но я, к сожалению, не слишком опытная охотница. Я не раз соблазняла и искушала, порой даже сводила с ума, однако до сих пор никого по-настоящему не совратила. И большая часть моих знаний — лежащие тяжким грузом воспоминания, в которых маменькины слуги выбивали из меня упрямство хлыстом.

Да, я — неправильная суккуба, и сейчас это плохо. Мое взросление затянулось исключительно благодаря папочкиным корням. Подаренная им частица Света приглушала мои инстинкты, давила естественные для нашей расы желания, заставляла упорно сопротивляться приставленным маменькой учителям и этим доводила суровую родительницу до озверения.

Ни один из подосланных ею самцов так и не сумел вырвать из меня отцовское наследие. Никто из нанятых ею мужчин так и не смог меня сломать. Упрямая частичка Света так и горела во мне, безумно раздражая окружающих, но поделаться с ней ничего не могли — я слишком хорошо научилась ее оберегать. От нерасторопных ухажеров я уходила, предварительно доведя их до иступления. Самых настойчивых игнорировала, порой умышленно стравливая друг с другом. Одного покалечила... двое самых наглых сторели... Маменька после этого взбесилась окончательно и пригрозила вышвырнуть непокорную дочку на улицу, но я только огрызнулась и в тот же вечер собрала вещи.

В чем-то ее можно было понять: суккуба, которая избегает мужчин, — худший позор для семьи. Поэтому я ни на миг не усомнилась в принятом решении. Хлебнула, конечно, горя,

пока болталась по подворотням. Досыта наелась грязи и щедро вкусила всех прелестей нищеты. Помыкавшись по разным школам, нашла-таки место, откуда меня не гнали. А потом прижилась, пригрелась и постепенно оттаяла. И только сейчас, глядя в непроницаемо черные глаза пленившего меня мужчины, неожиданно поняла — все, беззаботное детство закончилось. И теперь для того, чтобы выжить, мне придется использовать то, от чего я так долго отказывалась.

— Вы хотите поиграть, мой Князь? — промурлыкала я, соблазнительно изгибаясь в цепях. — Неужто я могу надеяться, что вызвала у вас интерес?

Он только усмехнулся и, ухватив меня за волосы, вынудил ненадолго запрокинуть голову.

— Нет. Ты меня разозлила, женушка. И за это я тебя накажу.

Я тряхнула цепью и, почувствовав, что снова свободна, насмешливо фыркнула.

— Неужели вы собираетесь убить меня, ваше темнейшество?

— Ну что ты, — почти ласково ответил он. — Я сделаю хуже, намного хуже...

По моей коже вскользь пробежались чужие пальцы, едва-едва касаясь. Так волнующе. Необычно. Возбуждающе. Особенно от мысли, что столь приятные ощущения доставляли не сами пальцы, а когти, способные вспороть меня насквозь.

— Тогда, может, вы желаете поиграть в палача и жертву? — игриво предположила я, пытаюсь уловить его настрой.

— Брачные оковы не дадут убить тебя просто так, боль будет обоюдоострой, — медленно обведя рукой полукружие моей груди, сообщил Князь. — Но любую боль можно вытерпеть, любую смерть можно пережить. И я не раз это делал, поэтому не обольщайся — прямого запрета на твоё убийство у меня нет.

Я оценивающе прищурилась.

— Как и у меня — на ваше.

— Верно. Но ты еще не знаешь, что боль бывает разной, женушка... многогранной настолько, что способна дарить наслаждение. И я покажу ее тебе, открою каждую из ее многочисленных граней. Но не сегодня, моя дорогая. Пока я не настроен на такие развлечения, и поэтому мы поступим иначе.

Когда его прохладные губы коснулись кожи на моей шее, послав по телу волну сладостной дрожи, а вторая рука властно легла на мою грудь, я неожиданно поняла, что он собирается сделать, и похолодела.

Демоны по сути своей порочны, и суккубы — не исключение. Но для нас физическая близость — это не просто удовольствие, а насущная потребность, без которой мы не способны жить. Обольщение — наша суть. Соблазнение — вторая натура. А постель — это поле боя, на котором мы раз за разом должны безоговорочно побеждать. Причем чем сильнее и неприступнее самец, тем больше чести его увлечь. И, само собой, тем быстрее растет наша сила.

Мы действительно питаемся своими жертвами, черпая из их эмоций невероятную силу. А любая сила ценится в Преисподней особенно. Поэтому наше племя так любвеобильно. Поэтому нас так легко зажечь. И поэтому мы готовы с легкостью меняться для выбранной жертвы, не оставляя ей шанса на спасение.

Но сегодня соблазнять собирались меня — целеустремленно, неторопливо, умело. При том, что прошедшему сквозь многие эпохи Князю в действительности не нужна была я сама — ни как жена, ни как любовница. Он не испытывал ко мне влечения и не планировал поддаваться страсти. Но он собрался разжечь эту страсть во мне. Заставить хотеть его.

Вынудить загореться огнем неистового влечения, довести меня почти до финала... а затем уйти, оставив корчиться на полу от неудовлетворенного желания.

Он пожелал меня унижить. Растоптать. Сломать. Он хотел, чтобы, оставшись одна, я бесконечно мучилась, будучи не в силах помочь себе сама. Чтобы, вдоволь настрадавшись и отчаявшись, я в конце концов рухнула перед ним на колени. Забыла о гордости. И униженно взмолилась о продолжении, предавая этим саму себя.

Он абсолютно ничем не рисковал, начиная свои настойчивые ласки. И не боялся, что я смогу причинить ему вред — на Князей любовные чары суккуб не действовали. Надежно скованная, беззащитная, уязвимая, я не могла призвать даже Свет, потому что это означало бы неминуемое поражение.

Князь, внимательно следящий за выражением моего лица, многообещающе улыбнулся:

— Ты будешь принадлежать мне целиком и полностью, женушка. Все твои помыслы и желания будут связаны только со мной. Будешь плакать и умолять, когда я прикажу. Спать, дышать и раздвигать ноги, когда я потребую. Я заставлю тебя пожалеть о своем решении, сделаю покорной... но не сразу. Предпочитаю растягивать удовольствие.

Я пристально на него посмотрела.

— Я разрешаю попробовать вам это сделать, мой Князь... но только однажды. И если вы не справитесь, то учтите: больше вы не сможете меня принудить.

Он не посчитал нужным ответить, принявшись вдумчиво исследовать мое тело, а я расслабилась, полностью отдавшись на волю ощущений.

Надо признать, он действительно знал толк в соблазнении. Без острых когтей его пальцы, оказывается, умели быть нежными и чуткими. Твердые как камень ладони были способны не только причинять боль, но и дарить наслаждение. Прижавшееся ко мне тело источало непривычную, но притягательную, как стены усыпальницы в жару, прохладу. Тогда как скользящие по коже губы, напротив, были горячи, словно меня сладко и тягуче целовал живой, тщательно сдерживающий свою силу огонь. И мне этот контраст, как ни странно, понравился.

Однако я не была бы собой, если бы позволила вскружить себе голову. И, как любая достойная суккуба, перестала бы себя уважать, если бы сдалась так быстро. Поэтому, как только мужские руки ненавязчиво переместились на мои бедра, я приоткрыла один глаз и задумчиво изрекла:

— А у вас краска на потолке пузырится.

— Что? — на мгновение замер Князь, непонимающе вскинув голову.

Я взглядом показала вверх, где отыскалось подозрительное пятно.

— Да работнички, видимо, схалтурили.

— Какие работнички? — снова не понял он.

— Которые вам потолок красили. Они у вас еще появятся? Послушайте доброго совета: гоните их в шею, пока не развалили по камушку весь дворец, — доверительно заявила я. — Такие раритетные подземелья нельзя разрушать — в них еще ваши потомки будут ютиться, — если, конечно, когда-нибудь появятся. У вас, кстати, дети есть?

Он пару секунд смотрел на мое заинтересованное лицо, на котором не отражалось ни тени истинных эмоций, а потом поморщился.

— Как глупо.

— Это еще почему? — тут же обиделась я, негодуя тряхнув крыльями и испачкав ковер пылью. — Я же о вашем благе пекусь. И о себе тоже — вдруг меня какой камень в

вашем склепе по голове тукнет? Вас-то не жалко, а меня поцарапать может. Кто потом отвечать будет? Дядя?

Он без лишних слов снова приник к моей шее, а его рука прошла по моему обнаженному бедру снизу вверх и уверенно проскользнула к самому сокровенному.

— Ой, моро-оз, моро-оз, — тихонько затянула я, склонив голову к плечу, чтобы меньше уставала шея. — Не морозь его-о... Не моро-озь его-о, му-ужа мо-о-его-о...

Князь на мгновение сбился, но головы не поднял.

— Мужа моего-о... о-ох, краси-ивого-о, — заунывным голосом продолжала я. — Работящего-о, неболтли-ивого-о. Неболтливо-о... о-ох... желанного-о, чуда мо-оего-о долгожда-анного...

— Что ты делаешь? — наконец соизволил оторваться Князь и недовольно на меня посмотрел.

Я пожалала плечами, насколько это было возможно в моем положении.

— Да просто жду, когда вы меня соблазнять будете.

— А что, по-твоему, сейчас происходит?

Я грациозно, насколько позволяла цепь, изогнулась и удивленно посмотрела на место, где задержалась его рука.

— Не знаю. Но что-то мне подсказывает, что совсем не то, что вы планировали.

— Придержи язык, — сухо предупредил он, снова притянув меня так, что мы почти стукнулись лбами. — И не мешай, если не хочешь, чтобы я располосовал тебя, как свинью.

— Да что вы обзываетесь? — снова надулась я и демонстративно отвернулась. — Во мне весу-то всего на полпоросенка...

— *Женщина!*

— Да молчу я, молчу, — поспешила я пойти на попятную, ощутив, как он недвусмысленно шевельнул пальцами, и в самом деле готовясь вскрыть меня изнутри. — А вы продолжайте, ваше темнейшество, продолжайте... я еще тут повишу. Мне пока не к спеху.

И снова затянула:

— Жду-у его домо-ой на исхо-оде дня, чтоб обня-ать его-о, напои-ить коня. Постелю ему-у я перинушку-у, приласка-аю я сироти-инушку. Сиротинушку-у бестолко-ового...

Князь, не оценив моей любви к народному творчеству, зарычал и все-таки поранил меня когтем, в довесок чувствительно прикусив сосок. А второй рукой так сжал ягодицу, что я осеклась и беспокойно заерзала.

Сказать, что это было неприятно, — значит, ничего не сказать. Но у демонов свои игры. В том числе и такие. И я об этом прекрасно знала. Более того, ничего не имела против экспериментов. Но не сейчас. Не здесь и не с ним.

Поэтому, когда он усилил натиск внизу, я снова затосковала:

— Вся уже горю-у-у, ох краса-авица... а он все не пойме-от, не догада-ается...

Заметив, что Князь раздраженно оскалится, собираясь все-таки исполнить свою угрозу, я встрепенулась, поспешила подалась вперед и, обвив его ногами за талию, тут же страстно зашептала:

— Князюшка-а-а... Кня-а-а-же-э-э...

— Р-р-р, — рыкнул он, больно прикусив мне кожу за ухом.

— Муж мой рога... то есть крылаты-ый, — тихонько пропела я, жалея, что не могу дотянуться до его волос, чтобы как следует дернуть. — Ваше искуcительное темнейшество-о...

Он недовольно фыркнул.

— Виси тихо!

— Простите великодушно, что опять отвлекаю, — вежливо сообщила я. — Понимаю, вы сильно заняты, но у меня проблема возникла.

— Какая?

— У меня руки затекли.

— И?.. — нетерпеливо рявкнул он.

— И крылышки помялись, пока вы по стене изволили мной елозить, — смущенно призналась я, шумно дунув ему в ухо. А потом неожиданно предложила: — Хотите, я вас укушу?

— Ты что, издеваешься? — прошипел он, и на его груди стали проступать крупные змеиные чешуйки.

— Нет, — жалобно хлюпнула я носом и с надеждой глянула в абсолютно черные глаза, где совсем не осталось белков. — Я уже страшно хочу вас хотеть... то есть пытаюсь вас страшно захотеть... ну или не страшно, а хотя бы как-нибудь... честно-честно! Но я не могу, потому что мне больно и страшно, думы все сплошь такие тревожные... Как же я без крылышек бу-уду, если вы их сейчас испо-ортите?!

На моих глазах мгновенно вспухли горячие слезы. Такие крупные, что Улька, если бы увидела, обзавидовалась. А затем они покатались вниз двумя шустрými ручейками, заставив Князя отодвинуться и брезгливо отряхнуть руку, на которую случайно капнуло.

— Терпи!

— Ладно, — покорно сникла я, и слезы на моих глазах тут же высохли. — А у вас библиотека есть?

От неожиданности он даже разжал когти и едва меня не выпустил.

— Зачем тебе?

— Почитать что-нибудь хочу, — стеснительно сообщила я. — А то пока вы до сути доберетесь...

Он, кажется, даже дышать перестал. Только буравил меня тяжелым взглядом, словно пытался пронзить насквозь. Его глаза сузились, в них снова за клубилась Тьма, а чешуек на груди заметно прибавилось.

— Хочешь разозлить меня снова? — наконец опасно спокойно осведомился он, и когти на его пальцах стали заметно длиннее.

Я широко распахнула глаза.

— Что вы, мой повелитель! Как я смею нарушать процесс своего собственного совращения... то есть развращения? Мне просто неудобно, клянусь! И это очень отвлекает от хотения!

Он совсем нехорошо прищурился.

— Нет, я, конечно, переживу, — поспешно затараторила я, чувствуя, как моя кожа медленно и неумолимо поддается его когтям. — Мне не впервой на камнях... и на траве... да и на земле тоже... Да что там! Ради вас я где угодно согласна попробовать! Но боюсь, тогда ваши дела придется отложить до завтра. Или даже до послезавтра, потому что вряд ли я смогу нормально сосредоточиться. Может, хоть на кроватку переберемся, а? — заныла я напоследок. — Там все же помягче, а я — существо нежное, хрупкое, ранимое...

Я едва успела договорить, как меня рывком сдернули со стены и, даже не задев полупрозрачные, обвисшие двумя бесполезными лоскутами крылья, подхватили на руки.

— Спасибо, Князюшка-а...

Пользуясь моментом, я порывисто прижалась к прохладному телу и, обхватив чужую шею онемевшими от висения руками, прислонилась щекой к груди, укутывая нас обоих гибкими крыльями. Услышав ровное биение его сердца, зажмурилась, тихонько коснувшись губами его кожи. Невольно восхитилась идущему от мужа ощущению невероятной силы. А когда он раздраженно стряхнул меня на кровать, сама протянула руки, томно шепча:

— Можете привязывать...

На лице у Князя промелькнуло колебание, смешанное с подозрением, но потом он все же велел:

— Пусть останется так.

— Как прикажете, — покорно сникла я, всем видом выражая разочарование. — Можно мне лечь на живот? На спине крылья быстро теряют гибкость...

Я демонстративно дернула придавленным крылом, с которого на подушки слетела горстка золотистой пыльцы, и, уловив намек на хмурый кивок, одним гибким движением перевернулась. Правда, легла чуть боком, переместив крылья вправо, чтобы он случайно не порвал, и одновременно открыла ему достаточно пространства для действий.

Пусть работает.

Мне даже интересно, чем все это закончится.

— Только рубашку лучше снять, мой Князь, — мурлыкнула я, когда он наклонился, снова потянувшись ладонью к моей груди, а вторую властно положил между лопаток. Как раз туда, где находились сочленения крыльев — самое уязвимое место, которое я ему доверчиво подставила. — И не трясите так бедные хрящики, моя пыльца взрывоопасна. Не хотелось бы вас случайно поджечь.

Рука с моей груди ненадолго исчезла, зашуршав невидимой тканью, а затем снова вернулась, на этот раз действуя более уверенно и гораздо менее аккуратно. Готовая и приласкать, и ударить, если вдруг почувствует сопротивление. Стиснуть до боли или пропороть насквозь острым когтем, если я снова сделаю что-то не так.

Глухое раздражение Князя уже физически ощущалось, выплескиваясь наружу тяжелыми удушливыми волнами. Густыми клубами окутывало разворошенную постель, холодя кожу и заставляя покрываться огромными мурашками. Да, повелитель был недоволен. Рассержен. Почти зол... Но даже при этом достаточно терпелив и сдержан. И я оценила его усилия. Неожиданно даже для себя склонила голову, с удивлением отметив, что и обещания свои он, несмотря ни на что, все же держит. Перестала язвить. Расслабилась. И через какое-то время неохотно признала, что еще никогда меня не совращали столь яростно и откровенно.

Я никогда к этому не стремилась и не нуждалась в столь полном открытии материнского дара. Считала, что он оглуплял, заставляя скатываться к звериным инстинктам, лишая всего того, что я когда-то осознанно выбрала. Но сегодня, почувствовав неодолимое желание участвовать в предложенном мне танце, я впервые в жизни ощутила настоящий азарт. Смело приняла брошенный мне вызов. И до дрожи захотела проверить, так ли хорош в бою этот великолепный самец, от вида которого даже у меня что-то восхищенно замирало внутри.

И я позволила себе это сделать. Рискнула увлечься схваткой. Загнав на самое дно бьющийся в истерике Свет, распахнула перед потаенными желаниями душу, едва ли не впервые в жизни приглашая их войти. Предлагая заполнить меня целиком, безраздельно захватив мою упрямую натуру, и полностью покориться обнявшему меня со спины мужчине.

Хотя бы на пару часов.

Отдавшись во власть навязанного им танца, я вскоре поверила, что Князь действительно превосходный любовник. И с нескрываемым интересом следила, как он через удовольствие постепенно ослабляет мою волю, ломает сопротивление, медленно, но верно заставляя прогибаться под себя. Вынуждает сдаться, позволяя ему беспрепятственно вести и одновременно наслаждаться сознанием того, что он так невероятно, возбуждающе силен.

Я сдавленно рычала от нетерпения, когда по спине скользили его жесткие ладони. С наслаждением терлась о его шершавую кожу. Млела от ощущения, что уже не только его грудь, но и низ живота покрылся плотными, легонько царапающимися чешуйками. И призывно урчала, слыша, как рвется подо мной простыня, которую я нещадно кромсала незаметно отросшими ногтями.

Всего за час он изучил все мои тайны, отыскал все слабые места и умело ими воспользовался. Довел до того, что я была готова яростно грызть подушку и на лоскуты распустить попавшееся под руки покрывало. Я исступленно царапала стену, когда он заставил меня подняться на колени. Шипела змеей, когда, помимо рук и губ, он подключил к делу гибкий хвост. И захрипела от разочарования, поняв, что, даже увлекшись, он все еще сдерживал себя. Не пытался меня заполнить. Дразнил, соблазнял, изощренно пытал, но ни разу не овладел, и этим доводил до безумия. Он заставил меня страдать от этой мучительно сладкой, неторопливой и нескончаемой пытки. Забыть обо всем и мечтать только о том, чтобы когда-нибудь так же сладко и мучительно умереть...

Но именно в этот момент я поняла, что все-таки достигла пика. И почувствовала, как что-то поменялось во мне самой. Сжимающий меня в объятиях мужчина наконец-то перестал восприниматься чужаком. Он стал мне близок. Важен. Жизненно необходим. Он был моим продолжением, завоевавшим меня и поэтому признанным мужем, с которым мы делили одно дыхание на двоих. Я больше не думала о том, в какой ипостаси он меня обнимает. Забыла, с чего начинался наш разговор. Он был теперь мной, а я стала им. И испытывала почти физическую боль от мысли, что в этом первобытном танце получаю наслаждение только я.

В тот момент мне неистово захотелось ласкать его кожу внезапно огрубевшими пальцами. Целовать его губы, то и дело дразня их кончиком языка. Обнимать его крыльями. Сдаваться без боя. И, торжествуя глядя в его глаза, молча кричать: «Смотри! Это все для тебя!»

Но как только я решилась это сделать, его руки почему-то разжались. Бушующее в глазах желание моментально угасло. В его дыхании больше не было жара. Из движений исчезла страсть. А затем он вернул себе прежний облик, поднялся с разворошенной постели и, швырнув в меня скомканное покрывало, холодно сказал:

— Мы закончили.

На долгий-предолгий миг я замерла, испытывая пугающее чувство одиночества. Разгоряченное тело просило вернуть оборванные ласки, пылающее от жара нутро болезненно сжималось, так и не дождавшись обещанной наполненности. Вся кожа горела. Дыхание вырывалось с трудом, но нахлынувшее разочарование, больше похожее на отчаяние, почти мгновенно сменилось холодной яростью.

Усилив воли загнав эмоции на самое дно, я запахнулась в крылья, как в спасительный кокон, и медленно поднялась с постели.

— Я вам больше неинтересна, мой Князь? — сухо осведомилась я, чутко прислушиваясь

к себе и к нему.

— Так и есть. Ты проиграла наш спор, суккуба, — все так же холодно отозвался он.

— Разве?

Он недоверчиво уставился на мое спокойное лицо, на котором не отражалось ни тени недавно пережитых чувств. Ни толики неудовольствия или злости. Ни ярости, ни бешенства, которое всего мгновение назад было готово выплеснуться наружу. Все это меня больше не касалось. Я приняла решение. Поэтому была безмятежна, уверена в себе и держалась так, словно ничего не случилось.

И его это задело. Насторожило. Он справедливо заподозрил подвох.

И вот тогда я впервые искренне ему улыбнулась.

— Боюсь, вы ошиблись с выбором наказания, мой Князь.

И прежде чем он успел возразить, рывком распахнула крылья, позволив ему наконец увидеть все то, что скрывалось в густой тени низко опущенного балдахина. То, чего он не мог или не захотел заметить раньше. Свое изменившееся тело с гладкой алебастровой кожей. Покрывшие его гибкие чешуйки, складывающиеся в причудливый узор. Длинные белоснежные локоны, тяжелыми волнами спускавшиеся до самого пола. И почти не изменившееся лицо, на котором пылали бездонной чернотой такие же, как у него, демонические глаза.

Он понял слишком поздно, что именно я сотворила. А осознав, сделать ничего не успел, потому что я, ни на миг не усомнившись в принятом ранее решении, безжалостно вырвала из себя недавно пылавшие чувства и совершила то, от чего он вскинул голову и дико, по-звериному завыл...

— Хе-эль... Хелечка-а... — жалобно пропищали у меня над ухом и потрясли за плечо. — Ну, Хеля, ну пожалуйста! Проснись, а то мы опоздаем на зачет!

— Зачет? — хрипло спросила я, все еще слыша отголоски страшного воя и видя перед собой искаженное нечеловеческой мукой лицо. — Какой еще зачет? А, твой...

Улька, на мгновение замерев, радостно взвизгнула и тут же повисла у меня на шее.

— Хелька! Ура-а! Ты проснулась!

Я неохотно открыла глаза и с кряхтением выбралась из-под одеяла.

— Да проснулась я, проснулась, дай только оклематься. Сколько прошло времени?

— Уже пора. Прости, — дрогнувшим голосом призналась баньши, а потом опомнилась и цепко ухватила меня за руку. — Хелечка, пойдём, и побыстрее, пока госпожа Личиана меня с потрохами не скушала! Ты же знаешь, она может.

— Погоди, я ненадолго...

С трудом дотавившись до душевой, я кинула на отражение в зеркале беспокойный взгляд и облегченно выдохнула: хвала всем богам во всех мирах, там все осталось прежним. Ни волосы не побелели, ни чешуя не проступила, и даже ночнушка моя драгоценная оказалась целой, хотя я уже была готова поверить, что ее не вернуть.

Неужто всего лишь сон?

Дрожащей рукой плеснув в лицо пару пригоршней холодной воды, я вдруг наткнулась взглядом на ожог и вздрогнула, обнаружив, как на нем медленно гаснут пылающие багровым светом письма. А затем, похолодев от страшного подозрения, заглянула под ворот рубахи и обмерла, обнаружив под ней все до единого следы пережитого кошмара.

— Хель, ну что ты там застыла? — нетерпеливо крикнула снаружи Улька, гремя

табуреткой и что-то шумно волооча по полу. — Скорее одевайся! Занятие через час, а нам еще до кладбища пилить и пилить.

— Сейчас, — деревянным голосом ответила я, обессиленно опускаясь на пол и закрывая глаза. — Сейчас, только приду в себя...

Охотящаяся суккуба — как зеркало, в котором отражаются мужские эмоции. Желания, которые она умело вызывает, а затем ловко использует, превращая в оружие для любовных побед.

Но мало кто знает, что для точного удара суккубе необходимо увидеть цель — тот самый образ идеальной Женщины, который есть в душе у каждого мужчины. Этот образ нелегко отыскать — наши жертвы берегут его очень тщательно, порой запирая на сотни замков и храня в самой далекой пещере, какую только могут найти. Самые отчаянные даже рвут драгоценный портрет на части, а затем сжигают обрывки, развеивая пепел по ветру. И идут на все, лишь бы не показать свою единственную слабость, потому что знают: малейшая промашка будет стоить им не просто жизни — свободы, которую большинство мужчин не готовы потерять.

Подобраться к такому портрету — вот главная задача суккубы. Обойти все ловушки, вынудить жертву раскрыться, а затем примерить на себя вождеденный образ и заставить неосторожного самца пасть на колени. Для этого природа одарила нас всем необходимым: голосом, способным выбирать наиболее приятный для жертвы тембр; телом, умеющим принимать любую форму, и разумом, с помощью которого успешная охотница закрепляет результат.

Однако есть мужчины, на которых не действует наша женская магия. В чьих сердцах не пылает страсть, чьи тела безответны к ласкам, а души укутаны плотной оболочкой равнодушия. Растопить этот лед невозможно — безразличный разум неуязвим. И подобному противнику даже опытная суккуба не осмелится бросить вызов.

Темный Князь — именно такой противник: опасный, жестокий и предусмотрительный. Один из элиты демонов Преисподней, который просто не мог себе позволить иметь даже крохотной слабости. По этой причине его образ идеальной Женщины давным-давно уничтожен, а то, что осталось, похоронено настолько глубоко, что воскресить его не удалось бы ни одной, даже самой могущественной охотнице.

Князь ошибся только в одном: я никогда не была охотницей. И то, что он посчитал моей настоящей целью, в действительности ею не являлось.

По дороге к кладбищу Мартин, улучив момент, осторожно тронул меня за руку.

— Хель, у тебя неприятности? Мне последнее время тревожно.

Не видя смысла что-то скрывать от нашего чуткого ангела, я сосредоточенно кивнула.

— Я могу чем-нибудь помочь? — тут же спросил он, придерживав шаг, и я тоже замедлилась, позволяя подшучивающим над трясущейся перед зачетом Улькой друзьям немного уйти вперед. По требованию баньши мы пошли самой короткой дорогой. В этих глухих подворотнях все равно почти никто не живет, так что наши охламоны никого не разбудят. Да и стража не особо заглядывает.

— Не знаю, Марти. Вряд ли. Если, конечно, ты случайно не знаешь, как можно быть в двух местах одновременно и испытывать при этом одинаково мерзкие ощущения.

— Это связано с *ним*? — пронизательно взглянул на меня ангел, и я молча кивнула, зная, что он, как всегда, поймет и не станет задавать глупых вопросов. — Что происходит?

— Я думаю, мне больше нельзя засыпать, — обронила я, отпуская шумную четверку

подальше. — Каким-то образом *он* все-таки может на меня воздействовать. Пускай только во сне, но мне не хочется узнавать, насколько далеко он готов зайти и на какие еще уловки способен. Понимаешь, *здесь* я просто сплю, но в то же время полученные *там* ощущения сполна возвращаются ко мне после пробуждения. И если так будет продолжаться, боюсь, однажды я не проснусь вовсе.

— Это больше похоже на проклятие, — через некоторое время произнес ангел, сосредоточенно хмурия светлые брови. — Я читал когда-то о брачных браслетах демонов — они действуют через привязку тел и душ. Но так, чтобы связь оставалась даже после снятия браслетов... не знаю, Хель. Надо покопаться в книгах. Может, что и найдем.

Я приподняла рукав балахона, открывая уже потемневшие, почти полностью зажившие полоски от кандалов, на которых чернели никуда не девшиеся письмена.

— Вот *это* могло сохранить привязку на наших душах?

Мартин помрачнел.

— Вполне. Со снятием самих браслетов возможность влиять на тебя физически он потерял, а вот призвать душу и заставить ее материализоваться в Преисподней сможет легко. В своем домене Темный Князь почти всевластен.

— Я заметила, — поморщилась я, возвращая рукав на место. — Тогда второй вопрос: можно ли эту привязку снять?

Ангел беспокойно провел рукой по волосам.

— Не знаю. Но в том справочнике по проклятиям, о котором говорил Шмуль, должны быть какие-то сведения.

— Значит, надо его добыть, — подвела итоги я. — Решено, завтра идем на разведку. И вот еще что, Марти...

— А? — встрепнулся задумавшийся было ангел.

— Ты сможешь какое-то время посидеть рядом, если я все-таки усну? — тщательно подбирая слова, попросила я. — Понимаю, что совсем без сна у меня не получится. Никакие зелья от этого не спасут, хотя я, конечно, сегодня же потрясу целителей. Но я знаю если кто-то и может почувствовать, что мне совсем туго, то это ты... если тебе не трудно...

— Я буду спать вместе с тобой, — без колебаний согласился мой целомудренный друг, ни на миг не усомнившись, что мне это действительно нужно. — И даже могу привязку к душе сделать, почти как *он*... чтобы, как только ты меня позовешь, я тут же услышал. Даже если ты назовешь мое имя во сне.

Я остановилась и, наклонившись, аккуратно поцеловала в щеку покрасневшего как маков цвет ангела.

— Спасибо, Мартин. Я твоя должница.

— О-о, какие люди занимаются гнусным развратом! — внезапно раздалось из ближайшей подворотни, заставив Мартина вздрогнуть и отпрянуть, а меня — машинально закрыть его собой. — Оказывается, у нашей неприступной суккубочки появился ухажер!

В темноте насмешливо сверкнули два ярко-желтых глаза, и оттуда вальяжно вышел молодой бес. Его наполовину развернутые крылья выглядели потрепанными, словно побитыми молью. Гуляющий из стороны в сторону черный хвост лениво мел мостовую. На мохнатой физиономии появилась омерзительная улыбочка, а внушительный набор острых мелких зубов наводил на мысль о давних грехах его бесовской матушки, которая в свое время была крайне неразборчива в связях.

Разумеется, он пришел не один — бесы никогда не ходят поодиночке. И ведь дождался,

гаденьщ, момента, когда мы с Марти останемся одни. Обычно наша группа старалась не разделяться, в том числе и по этой причине, но сегодня я несколько увлеклась. Да и ангел откровенно растерялся. Так что довольно быстро нас окружили десятка два гаденько ухмыляющихся козлоногих уродцев и, обступив со всех сторон, глумливо захихикали.

Эх, не добились их в свое время Князья, когда отвоевывали свои домены. Недодали поганых пиявок, предпочитая брать их в услужение. Вот и расплодилось мелкая нечисть, доставая всех окружающих. А уж в УННУНе ее тем более предостаточно, поскольку бесовки, в отличие от благородных суккубов, отличались крайней непритязательностью в выборе партнеров.

— Хорошая ночка, не правда ли? — промурлыкал Гидес, демонстративно полируя острые коготки. — Такая тихая, спокойная... Как я понимаю, у вас сегодня зачет по мертвологии?

«Улька! — молнией пронеслось у меня в голове. — Неужели они успели побывать на кладбище?!»

— Если с ней что-то случилось, ты пожалеешь, — угрожающе произнес вдруг Мартин и упрямо полез вперед.

Бес откровенно расхохотался.

— Ути-пути, мой маленький... Кто это тут у нас такой?

— Не лезь к нему, Гидес, — хмуро уронила я, перехватывая воинственно настроенного, но абсолютно бесполезного в драке ангела за шкуру. — И кодлу свою отзови, пока я не рассердилась.

— А что будет, если не отзову? — хитро прищурился обнаглевший до предела бес, а его дружки гаденько захихикали. — Что, если мы захотим вдруг повеселиться?

Я огляделась: бесов было слишком много. В воздухе у меня еще имелось бы преимущество, но взлететь я не могу, Мартин — не боец, и бегаёт он очень медленно. Так что остается уповать на внимательность наших друзей и на то, что хотя бы один из них вовремя спохватится.

— Ну давай, Хель! — под смешки своей стаи подначил Гидес. — Покажи нам, суккубочка, как надо правильно совращать ангела! Хотя нет, не нужно — мы и сами прекрасно справимся. Он же такой сладенький, такой симпатичненький... просто грех за щечку не укусить... Верно, парни?

— Да! — хором подтвердила стая, снова скатившись до мерзкого хихиканья.

В моей душе внезапно поднялась волна раздражения, а темная ипостась, встрепенувшись, недовольно выглянула наружу.

— И правда, хорошенький, — недвусмысленно облизнулся один из стоящих рядом бесов, а затем звонко причмокнул, вытянув трубочкой губы. — Иди ко мне, беленький. Иди ко мне, мягонький. Раз Хель тебя не хочет, я согласен приласкать. Я тоже умею быть нежным. Тебе понравится...

— Нет, лучше я! — хихикнул кто-то еще, и стая при виде дергающегося в моих руках низкорослого друга взорвалась одобрителем хохотом. — Иди ко мне, ангелочек! У меня хвост тоньше, да и кое-чем другим я смогу тебя удивить!

Говорю же, эти паршивые гиены неразборчивы в связях. Удавила бы тварей, да жаль — мне запрещено.

От гнусных намеков Мартин побагровел, а мое раздражение быстро переросло в гнев.

— Да ты поранишь его своей оглоблей! — крикнул кто-то из темноты. — У него же

наверняка никого раньше не было. Мальчик-то нецелованный!

— Вот я и приобщу его к высокой культуре...

— Отвалите все. Мелкий мой, — вальяжно заявил Гидес, плотоядно поглядывая на раскрасневшегося от злости Мартина. — Но, так и быть, когда наиграюсь, со всеми поделюсь. Хель, ты же нам его уступишь? Двух медяков будет достаточно?

И вот тогда мое терпение закончилось.

— Зря ты меня не пос-слуш-шал... — Я сама не заметила, как скатилась до змеиного шипения и сжала в кулак обзаведшиеся длинными когтями пальцы. — Зря не уш-шел... а теперь я рас-с-сержена и намерена вас-с поранить-с-с!

На меня удивленно посмотрели, и даже Мартин как-то странно присел, но я не обратила на него внимания — темная ипостась так быстро и уверенно взяла верх, что все мое внимание оказалось приковано к тем, кто посмел ее разбудить.

Да, бесов действительно было много, но и у меня появилось несколько десятков длинных и ловких «рук». Взвившись гибкими белыми плетями, они в мгновение ока заполнили все окружающее пространство, умело схватили растерявшихся от неожиданности бесов и, спеленав их тугими кольцами, подвесили в воздухе вниз головой. По улице сразу разнеслись испуганные вопли и сосредоточенное сопение тех, кто посмелее, но мои «руки», свитые из густых, внезапно отросших и ставших на диво послушными волос, оказались сильными — ни один из тщетно трепыхающихся бесов так и не сумел выбраться наружу. И настолько крепкими, что даже острые бесовские коготки не смогли их повредить.

Оглядев жалобно попискивающие кульки, из которых время от времени доносились испуганные подвывания, я довольно заурчала. А затем шагнула вперед, подцепив на когти посеревшего Гидеса, с легкостью вздернула икнувшего беса на высоту своего лица и заглянула в его расширенные глаза, в которых метнулся неподдельный страх.

— Твое с-с-счастье, гаденыш-ш, что мне некогда, так что я ос-с-тавлю вас-с в живых. Но ты будеш-шь наказан... вс-с-се вы... с-с-согласно тяжес-сти ваш-шей вины...

Он сдавленно захрипел, пытаясь что-то сказать, но я уже раздвинула губы в мстительной усмешке, наконец-то придумав для гиен достойное наказание. После чего подбросила тихо взывшего беса повыше, перехватила его за ногу невесть откуда взявшимся гибким хвостом. Недолго поработав руками, сотворила с козлоногими то, что хотела, а потом торжественно водрузила сверху жалобно блеющего Гидеса и, оглядев результат, довольно кивнула.

— Так-то лучш-ше...

— Ты *это* имела в виду, когда говорила, что Князь на тебя воздействует? — тихонечко спросил Мартин, когда я вернулась в привычный облик и мы ушли, оставив поверженных врагов скулить за углом.

Я хмуро кивнула.

— Да. Моя темная ипостась выбрала себе постоянную форму.

— Это было... красиво, Хель, — неожиданно признался он. А когда я кинула на него предупреждающий взгляд, понятиливо вздохнул. — Но я не буду спрашивать, как это произошло.

Городское кладбище было обширным. Оно и понятно — везде, где бы ни прожили хотя бы пару сотен лет разумные существа, мертвых скапливается гораздо больше, чем живых. Однако на нужды УННУНа Город выделил лишь небольшой и наиболее старый участок, где уже невозможно было сказать, кто, где и когда был похоронен.

Могил как таковых здесь давно не осталось, лишь поросший травой пустырь, на котором кое-где смутно угадывались скромные холмики. Ни табличек над ними, ни поминальных камней с выбитыми на века именами. Одна лишь ограда из толстых металлических прутьев в полтора человеческих роста да возвышающийся в центре небольшой склеп, от вида которого даже мертвологам становилось не по себе.

Когда мы приблизились к нужному месту, у входа уже нетерпеливо переминались оборотень и оракул. Предпочитающий комфорт Шмуль с удобством устроился на ветке засохшего дерева возле ограды, ну а нам с Мартином отводилось место на поваленном бревне, откуда было удобно наблюдать за происходящим.

— Вы что там застряли? — с подозрением оглядел нас фей, как только мы с Марти приблизились. — Секретничали? Или ворон вместе ловили?

— Скорее, бесов, — усмехнулась я, присаживаясь на свое законное место.

Эх, сколько я тут времени провела за три-то года Улькиных бесполезных упражнений в мертвологии! Из всей группы ей одной, чистокровной темной, были подвластны эти скользкие силы, но нас не задерживали, когда мы толпой подходили к воротам универа, одевшись как заправские мертвологи. Защитная одежда была обязательна для всех, даже если участвовал в ритуале всего один человек. Вот мы и обзавелись специальными балахонами и даже пропусками, которые Старая Жаба, ворча и хмурясь, все-таки согласилась подписать.

За прошедшие три года даже она поняла, что разделять нашу дикую шестерку опасно. Склонного к авантюрам фея нельзя было надолго убирать от обстоятельного и занудного ангела, перепады настроения оборотня обычно компенсировались терпением и красноречием оракула, рассеянную и неуверенную в себе Ульку мы, не сговариваясь, берегли все сразу, ну а я... Без меня эта ненормальная пятерка переставала слушаться кого бы то ни было. На нее даже наказания и грозные окрики директрисы не производили впечатления. Поэтому начальство решило, что ну нас всех к демонам, и, во избежание неминуемых катастроф, сделало исключение из правил, позволив нам на некоторые непрофильные предметы заявляться целой бандой.

— А Улька где? — недоуменно огляделся ангел, когда мы расселись.

— Уже там, — фыркнул оборотень и посторонился, чтобы не закрывать нам обзор.

Одинокая фигурка баньши, смотрящаяся совсем крохотной в широком и волочащемся по земле балахоне, целеустремленно двигалась по направлению к склепу. Бледная и решительная, наша Улька до побелевших костяшек на пальцах вцепилась в учебник и топала по единственной выложенной дорожке с таким видом, словно шла на собственную смерть.

В чем-то я ее, правда, понимала — преподавательница по мертвологии действительно стоила потраченных на нее эмоций. Ну а тот факт, что древнему умертвию позволили работать в универе, всецело лежал на совести руководства.

Для того чтобы приступить к занятиям, бедным студентам приходилось сперва стучаться в склеп и дрожащими от страха губами выговаривать слова призыва, чтобы дремлющая в некоем подобии сна госпожа Личиана выбралась из гроба. Что уж она потом с ними делала, не могу сказать — Улька умоляла нас присутствовать только на зачетах, — но результат впечатлял: будущие мертвологи возвращались с занятий мокрыми, бледными и взмыленными, как лошади, на которых не по разу вспахали этот самый пустырь. А уж как они смирились при угрозе доложить о всяческих безобразиях их бессменному, точнее, бессмертному руководителю — любо-дорого посмотреть!

Я проследила, как Улька, перебросив на спину две длинные тощие косички,

нерешительно взялась за дверной молоток и постучала в двери склепа. Звук раздался такой, что Васька передернулся, а с соседнего участка с карканьем взлетели вороны. Но, как ни странно, на стук никто не отозвался, а скрипучие двери, против ожиданий, не распахнулись перед прикусившей губу баньши.

Ни через минуту, ни даже через две никто ей не ответил, будто хозяйке было не до зачета или же... никого не оказалось дома?

— Да ну, куда она денется? — с сомнением протянул оракул в ответ на мой выразительный взгляд.

— Мало ли. Может, у нее дела какие в Городе?

— Конечно. Полетела себе новый саван заказывать.

— Постучи еще! — громко крикнул оборотень, прильнув к ограде, когда баньши нерешительно обернулась. — Вдруг она не слышит?

Улька вздохнула и постучала еще раз, с тем же результатом.

— Может, мы опоздали? — выдал умную, но несколько запоздалую мысль Мартин, когда мы озадаченно переглянулись. — Личиана никогда не заставляла себя ждать.

— Не-а, — опять жуя какую-то булку, промычал Зырян. — До полуночи еще пара минут, так что дело не в этом.

Оракулу мы поверили сразу — кроме него, никто так не умел чувствовать время, — а в ответ на очередной беспомощный Улькин взгляд лишь обескураженно развели руками.

— Давай еще стучи! — снова крикнул Шмуль, перелетев с дерева на ограду. — Вдруг она там с концами уснула?

— Умертвие? — не поверил Васька, просовывая мохнатую голову между прутьев. — Трехсотлетнее? И чтоб вдруг сдохло? Щас я его попробую разбудить...

И вдруг так взревел, что от неожиданности получил сразу три пинка — от оракула, Шмуля и от меня.

— Ну, вы чего? — разобиженно повернулся оборотень. — Я же помочь хотел! Если она уж мой рев не услышит, тогда ее точно ничто не разбудит!

Шмуль фыркнул.

— Зато если услышит и от этого проснется, потом ее точно никто не упокоит.

Я сосредоточенно посмотрела на склеп, но его двери не спешили открываться. Никто не заворчал изнутри скрипучим голосом. Не загремели тяжелые засовы. Только где-то в Городе, отзываясь на медвежий рев, протяжно завывали собаки, а прилетевший ниоткуда ветер зловеще зашелестел мертвыми ветками.

Улька с несчастным видом потопталась у двери и снова знаками показала, что не знает, что делать. Мы, посоветовавшись и почесав затылки, все же решили отправляться ей на помощь. Зачет же сдать надо? Улька такого позора не переживет.

— Нет! — обеспокоенно крикнула баньши, когда мы потянулись к калитке. — Стойте там! Она не терпит гостей! Хорошо, если только проклятием отделаетесь.

— Ну не стоять же здесь до утра? — гаркнул Васька, застопорившись на проходе. — Что у тебя на зачет-то назначено?

— Поднятие...

— Сколько?

— Пять штук.

— Ого! — удивились мы, а потом, снова посоветовавшись, единогласно решили: — Давай начинай, пока она дрыхнет. Как проснется, практику ей сразу сдашь, а теорию и так

оттарабанишь.

— А если она скажет повторить поднятие при ней?

— Что ты, не поднимешь их снова? А ей, если спросит, скажешь, что тренировалась перед зачетом. Волновалась, дескать.

Улька задумчиво покосилась на склеп, но все-таки кивнула и, отойдя в сторонку, присела на корточки, старательно перелистывая лежащий на коленях учебник и пытаясь что-то в нем прочитать в неверном свете луны. А мы вернулись на свои места, изредка поглядывая, как она водит руками и сосредоточенно шевелит губами, призывая мертвяков.

Пять штук для нее и впрямь многовато — Улька, хоть и чистокровная темная, была очень слабенькой баньши. Вернее, она была слаба настолько, что ни в одну школу ее попросту не брали. Она даже смерть как следует не умела накликасть, а если и помогла кому-то уйти на тот свет, то, скорее всего, случайно. Так что ближайшие родственники сочли, что ей не место в приличном учебном заведении, и не возмутились, когда «позор семьи» зачислили наконец в УННУН. Личиану Улькино прошлое, впрочем, не особенно смущало, а исполнительная баньши очень старалась доказать, что она хоть на что-то способна.

Когда перед ней наконец вспучилась земля и оттуда выполз полуразложившийся мертвяк, мы одобрительно зашумели и захлопали в ладоши. Улька тут же просияла, горделиво подбоченилась и, дождавшись, когда оживший труп встанет на ноги, с торжественным видом пнула его под зад.

— Упокойся! — донеслось до нас ее несколько истеричное восклицание, и мертвяк, послушно сложившись, безвольной куклой рухнул на землю.

Под веселыми взглядами оборотня и Шмуля я кашлянула, но да — это была моя идея совместить сей неуважительный жест с заключительным словом. Улька так боялась в свое время трупов, что от поднятых мертвецов шарахалась с визгом даже тогда, когда рядом находилась Личиана. При этом само умертвие, что странно, ее пугало гораздо меньше.

Зато теперь наша баньши в очереди на упокоение первая. И даже вон как разохотилась — отправилась гулять по кладбищу, то и дело взмахивая руками и с довольным видом выкрикивая:

— Восстань!..

— Что-то она разошлась, — проворчал оборотень, когда Улька подняла и упокоила штук семь мертвецов, заставив их улечься в одну линию, как солдатиков. — Если что, я их закапывать не буду. Пусть сама возится.

— Поднятое и упокоенное тело во второй раз поднять намного сложнее, — деловым тоном заметил ангел. — Нужно где-то с полчаса, чтобы заклинание начало снова действовать.

— В обычном мире можно сразу! — несказанно удивился фей, обернувшись.

— А здесь нельзя, — спокойно ответил Марти, и на это нечего было возразить. Наш Мир так сильно менял существующие в остальных частях вселенной заклятия, что было еще удивительно, как здесь хоть что-то работало. Та же левитация, к примеру, если господин Эсси не врал, или мертвология, которой наша баньши, кажется, и впрямь увлеклась.

— Уль, ну хватит! — крикнул Василек, когда на площадке перед склепом улеглось пятнадцатое тело. — Может, кто-то еще придет на зачет, а ты им материала не оставила!

Баньши придиричиво оглядела результаты своей работы и довольно кивнула, а затем вернулась к дверям склепа, явно собираясь снова ударить молотком. Стоя спиной к разрытым могилам, она не видела, что там происходит, поэтому первыми неладное заметили

мы и беспокойно зашевелились.

— Уля-а-а! — тревожно крикнул Васька, когда самое первое из упокоенных баньши тел снова зашевелилось. — Ты каким заклинанием их упокаивала?

Баньши, не оборачиваясь, пожала плечами.

— Улька! — гаркнули мы уже все вместе, видя, как одно за другим задергались и остальные тела. — Да обернись же! Они шевелятся!

Улька медленно обернулась и тут же выпустила молоток из рук. При виде медленно поднимающихся трупов у нее широко распахнулись глаза, сам собой открылся рот... И сразу вспомнила, за какие заслуги баньши были так нелюбимы в Преисподней.

Истошный визг, от которого задрожали стены склепа и завибрировали прутья в ограде, был таким громким, что мы одновременно отшатнулись и торопливо зажали уши. Если бы могли, натолкали бы туда ваты, потому что его невозможно было выносить. От него шалела голова, мутилось в глазах и угрожающе натягивались барабанные перепонки. Всего две минуты такой атаки — и любой враг разбит в пух и прах.

Однако на мертвяков коронный прием Ульки не оказал должного воздействия. Это нас едва не отбросило от ограды, а они только пошатнулись. И, неуверенно выпрямившись, упрямо поперли на невезучую призывательницу, щеря гнилые зубы и явно намереваясь закусить. Более того, вся земля вокруг нее недобро зашевелилась, и оттуда один за другим с ворчанием полезли новые гости.

Как только у нашей баньши закончился воздух в легких, мы со Шмулем взмахнули крыльями одновременно, прекрасно зная, что после атаки у Ульки всегда наступал непродолжительный ступор. В это время ее можно было брать голыми руками, не боясь, что замершая темная, смотрящая перед собой остекленевшими глазами, вдруг очнется. И мы, зная о том, что сейчас нашу Ульку не заставят пошевелиться даже жрущие ее заживо мертвяки, без промедления ринулись вперед.

Фей, как более легкий и шустрый, оказался на месте быстрее, с ходу врезавшись в спину одного ходящего пособия по мертвологии и заставив его промахнуться мимо жертвы. Я подоспела мгновением позже и, не раздумывая, цапнула Ульку за шкурку, с натугой поднимая в воздух. Я, правда, не Князь, да и крылья у меня не железные, поэтому худенькую баньши смогла дотащить только до крыши склепа. Где и поставила на ноги, торопливо оглядывая взбудораженный пустырь.

Сейчас вокруг нас стояло уже не полтора, а все три десятка молчаливых преследователей. А скоро должно было стать еще больше, потому что старые могильные холмики вскрывались прямо на глазах.

— Линять надо, — выдохнул фей, приземлившись с нами рядом. — Их слишком много. Не одолеем.

— Нет, — пошатнулась внезапно очнувшаяся Улька. — Я — заклинатель, мне нельзя, потому что они пойдут за мной.

— За ограду им вроде нет хода. — На всякий случай я ее придержала, чтобы не рухнула прямо в руки мертвецам. — На границе же освященная земля.

— Они здесь только до тех пор, пока рядом заклинатель. А как только я выйду — тут же расползутся по округе. Причем за пределами ограды будут не в пример шустрее, чем здесь.

Мы тревожно переглянулись и крикнули мечущемуся вдоль ограды оборотню, тревожно застывшему оракулу и прильнувшему к прутьям ангелу, чтобы не совались.

— Что делать будем? — первым задал наиважнейший вопрос фей.

Я нервным движением сложила крылья, мельком глянув, не полезли ли мертвяки на стены. Пока там было тихо — они неподвижно стояли вокруг склепа и пожирали голодными взглядами несчастную баньши, глаза которой при виде такого безобразия снова начали наполняться слезами.

— Что я сделала не так? Ну что?!

О нет... Нас хотят сожрать, а она опять думает лишь о том, что где-то ошиблась!

[Купить полную версию книги](#)